

ПРАВО И ПОЛИТИКА

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-4-38-63>Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 10.09.2020
Принята к публикации: 22.12.2020**Алексей Александрович КЛИШИН**Межтерриториальная коллегия адвокатов «Клишин и Партнеры»
Мясницкая ул., д. 24/7, Москва, 101000, Российская Федерация
office@klishin.ru
ORCID: 0000-0001-7968-4035

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭВОЛЮЦИИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВ

ВВЕДЕНИЕ. Современное состояние международных отношений характеризуется наличием элементов, отражающих нарастающие противоречия как между странами, формирующими систему мирового порядка, так и между ними и теми международными объединениями, которые призваны регламентировать, а зачастую и управлять процессами взаимодействия субъектов международных отношений. Совокупность отмеченных противоречий, их острота и сложность разрешения определяют то явление, которое специалисты, изучающие природу и развитие межнациональных связей, называют кризисом.

В предлагаемой вниманию читателей статье проводится анализ взглядов правоведов на объективные потребности развития правового регулирования международной жизни, оцениваются перспективы и новые формы такого регулирования, а также юридические инструменты, которые используются государствами для защиты своих национальных интересов в случаях посягательства на них со стороны других игроков – государств и их объединений.

Автор отмечает, что политическое, экономическое и правовое развитие системы международных отношений в последние десятилетия оказалось в устойчивой зависимости от объединительных процессов в рамках всего миропорядка, которые принято называть глобализацией. При этом

объективные предпосылки для гармоничного объединения и учета интересов всех стран в рамках намеченного процесса зачастую отсутствуют, а основными двигателями глобализационных усилий являются те субъекты международных отношений – государства, общественные организации, отдельные личности, которые получают от этих процессов наибольшую выгоду.

В результате на смену привычным и показавшим свою эффективность международно-правовым формам и договорным отношениям приходят идеи «мирового права», «наднационального права», имеющие в своей основе стремление провести «денационализацию» права, подчинив правовые системы отдельных суверенных государств воле международных институтов. Деятельность таких институтов, созданных во множестве в послевоенное время, носит все более административный характер, особенно когда им придаются властные, надзорные и тому подобные полномочия, а специфика национального правового порядка при этом игнорируется.

Отдельной проблемой в международном правовом развитии, как на уровне правовой доктрины, так и в плане практической деятельности международных административных и судебных органов, является стимулирование утраты самостоятельности государствами, так сказать, «национальной правовой идентичности» в пользу разного рода се-

тевых, суррогатных, лишенных какой-либо культурной специфики форм регулирования международных, прежде всего экономических, отношений.

Размывание привычных для развитых стран правовых норм, стандартов и правил накладывает отпечаток на общественное сознание, создавая объективные предпосылки для процветания правового нигилизма и отрицания гражданами необходимости следовать требованиям закона при одновременной настойчивой пропаганде таких не вполне работающих принципов, как «верховенство закона», «соблюдение прав граждан», «демократические основы общественного устройства» и т. п. Утрата западными странами и их ближайшими союзниками представлений о необходимости сохранения своеобразия и самостоятельности создававшихся веками правовых норм и институтов в пользу расширяющихся функций международных организаций и объединений, представляет собой, по мнению автора, историческое явление, характеризующее определенный этап развития мировой системы. Так же, как экономические и политические формы, право развивается циклично, неравномерно и не всегда логично с точки зрения исторического процесса. Возвращению права к своим традиционным, системным, понятным всем участникам общественных отношений основам нередко способствуют кризисы, подобные сегодняшнему. Когда к имеющимся вызовам и проблемам прибавляются объективные чрезвычайные обстоятельства, подобные вирусной атаке 2020 г., справиться с ними оказывается под силу не аморфным сетевым инструментам или не слишком справедливым и эффективным элементам «мирового правового порядка», а работающим государственным и правовым механизмам суверенных стран, способным обеспечить баланс правовых инструментов и административных рычагов управления в кризисных ситуациях.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В исследовании используются системный и формально-юридический методы, с помощью которых, наряду с теоретическими работами ведущих российских и зарубежных обществоведов, анализируется значительный массив нормативного материала, судебных актов и источников, связанных с деятельностью международных организаций. Это позволяет проследить общие тенденции развития внутреннего российского права и международно-правовых институтов, нормативных актов и соответствующих правовых доктрин, показать их взаимозависимость и схожесть некоторых направлений развития.

Отдельно в статье исследуется проблема конфликтного взаимодействия национальных (в частности, российской) правовых систем и международных судебных органов. Показана очевидная зависимость деятельности международных судебных органов, основанной на соответствующих международных соглашениях и конвенциях, от политической обстановки в мире. Делается вывод о целесообразности ревизии основных положений принятых в разное время международных актов, регламентирующих порядок формирования и работы международных судебных органов, для обеспечения главенства российской конституции в случае конфликтов этих судебных решений с положениями российского основного закона.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В статье предложены результаты анализа проблемы государственного суверенитета и национальной юрисдикции на фоне усилий ведущих западных стран обеспечить преимущества своих правовых и судебных систем в процессе международного, прежде всего экономического, взаимодействия.

Представлены выводы относительно способов и форм конкуренции в сфере права, в ходе которой отдельные группы стран, сдерживая своих экономических соперников, навязывают такие методы регулирования экономической деятельности, которые обеспечивают преимущества одних экономик в ущерб другим. Одним из направлений подобной конкурентной практики автор считает широко развернутые антиоффиорные мероприятия, реализуемые по инициативе американской и работающих в ее фарватере международных налоговых организаций, которые активно используются для подрыва авторитета крупных российских компаний и создания условий для глобального преследования российских бизнесменов и государственных чиновников.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. По итогам рассмотрения новых явлений в международно-правовой практике автор пришел к заключению о необходимости повышения эффективности правовых инструментов защиты российских национальных интересов, в том числе интересов частного российского бизнеса от разного рода злоупотреблений и дискриминационных действий, которые допускают иностранные правоохранительные и судебные органы. На примере американских доктрин «права длинной руки» и *Allien Torts Statute* показана практика применения принципа «экстерриториальной юрисдикции», активно используемого в американской судебной практике вопреки устоявшимся, закрепленным в соответствующих международных

соглашениях принципам и правилам исполнения решений национальных судов. Сделан вывод о возрастающем влиянии социальной и политической обстановки на развитие международно-правовых институтов и механизмов регулирования общественных процессов. Отмечена необходимость объединения усилий юристов, представляющих разные правовые школы и традиции, для сохранения за правом, как национальным, так и международным, роли основного общественного регулятора.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное право, национальная правовая система, общественный регулятор, открытый миропорядок, национальная

идентичность, наднациональное правовое регулирование, глобализация права, унификация правовых норм, центры силы, деофициоризация, суверенитет, экстерриториальность, юрисдикция.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Клишин А.А. 2020. Политико-правовая характеристика эволюции деятельности государств. – *Московский журнал международного права*. №4. С. 38–63. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-4-38-63>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

LAW AND POLITICS

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-4-38-63>

Research article
Received September 10, 2020
Approved December 22, 2020

Alexey A. KLISHIN

Klishin & Partners Attorneys at Law
24/7, ul. Myasnitskaya, Moscow, Russian Federation, 101000
office@klishin.ru
ORCID: 0000-0001-7968-4035

EVOLUTION OF THE ACTIVITIES OF STATES AS REFLECTED IN LEGAL AND POLITICAL TEACHINGS

INTRODUCTION. *A specific feature of the current state of international relations is the existence of elements that reflect the growing antagonism between the leading countries that make up the world order, as well as between such countries and those international associations that are supposed to regulate and sometimes directly manage the cooperation among the subjects of international relations. The totality, the acuteness and the complexity of these antagonisms determine the phenomenon which is defined as a “crisis” by the experts who analyze the nature and the development of international relations.*

The article below analyzes different opinions of legal experts in relation to the objective needs of legal regulation of international affairs expressed from the viewpoint of prospects and new forms of such regulation, as well as the legal instruments used by the countries

when faced with encroachment on them on the part of other players, i.e. states and their associations.

The author mentions the fact that the political, economic and legal development of the system of international relations in the last few decades has become sustainably dependent on the integration processes taking place within the framework of the world order in whole, i.e. on something commonly defined as the “globalization”, while the objective prerequisites for the harmonious integration with interests of all countries taken into account are often absent in the designated processes and the main drivers of globalization efforts are those subjects of international relations that get most of the benefits from these processes, such as states, public organizations, specific public figures.

As a result, the customary and efficient forms and contractual relations in international law are being re-

placed with the ideas of “global law” or “supranational law” based on the intent to implement the “denationalization” of law by way of submitting the legal systems of some sovereign states to the will of international institutions. The activities of such institutions established numerous in the post-war period are of increasingly administrative nature in cases when such organizations are vested with authoritative, supervisory or other similar powers whilst the specific features of national legal order are ignored.

A separate issue in the development of international law, both at the doctrinal level and in terms of practices of international administrative and judicial bodies, is the trend towards the stimulating of the loss of the so-called “national legal identity” in favor of various network-based, surrogate and culturally unspecific forms of regulating relationships, first and foremost economic ones.

The dilution of legal norms, standards and rules that are customary for the population of the developed countries makes a notable impact on the public conscience, creating the objective preconditions for a boom in “legal nihilism” and the public negation of the necessity to abide with the rules of law, all this going in parallel with such inadequately working principles as the “supremacy of law”, “observance of civil rights”, “democratic basis of social structure” etc.

In the opinion of the author, the fact that the Western countries and their closest allies have lost the perception of the necessity to preserve the distinction and the independence of the legal concepts and institutions created during the centuries of the world development and have made their choice in favor of the expansion of the functions of international organizations and associations is the historical phenomenon that characterizes a certain stage in the development of the world order. The creation of economic and political forms at this stage is followed by the development of law that is cyclical, uneven and not always logical from the viewpoint of historical process. The return of the law to its traditional, system-level basics that are clear to everyone taking part in the social relations is often facilitated by crises, such as the one in place today when the existing challenges and problems are complemented by the objective force majeure events like the virus attack in 2020 which the amorphous “network-based” instruments or not entirely just and efficient elements of the “international legal order” cannot cope with, as opposed to the active governmental and legal mechanisms of sovereign states capable of ensuring the balance of legal instruments and administrative levers of management in crisis situations.

MATERIALS AND METHODS. The methodology of the analysis is comprised of the system-based and formally jurisprudential methods that analyze not only

the theoretical works of the leading Russian and foreign scientists, but also a considerable bulk of legal standards, judicial acts and sources pertaining to the activities of international organizations. This allows to look upon the general trends in the development of Russian domestic law and international law institutions, statutory acts and relevant legal doctrines, as well as to demonstrate their interdependence and the similarity in some of the lines of their development.

The issue of conflict interaction of national (in particular, Russian) legal systems and the activities of international judicial bodies is discussed separately in the article. The obvious dependence of the activities of international judicial bodies based on the relevant international agreements and conventions on the political situation in the world is also shown in the article. A conclusion is drawn as to the advisability of revision of the key provisions of international acts adopted in different times and regulating the procedure for the formation and operation of international judicial bodies, such revision required so as to provide for the supremacy of the Russian Constitution in cases of conflicts between the court orders and the provisions of the fundamental law of Russia.

RESEARCH RESULTS. The article outlines the results of the analysis of the issue of state sovereignty and national jurisdiction from the viewpoint of the efforts taken by the leading Western countries with a view to ensure the advantages of their legal and judicial systems in the process of international, first and foremost, economic cooperation.

Conclusions are drawn in the article as to the ways and forms of competition in the sphere of law whereby the separate groups of countries, seeking to constrain its economic rivals, impose such ways of regulating the economic activities that give advantages to specific economies to the detriment of the others. One of the aspects of such competitive practice, as the author believes, is the set of anti-offshore measures extensively implemented at the initiative of the US tax agencies and the international tax agencies marching in their lockstep in order to undermine the reputation of major Russian companies and create the conditions for the worldwide persecution of Russian businessmen and government officials.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. Based on the examination of new phenomena in the international law practice, the author concludes that the efficiency of legal instruments aimed at the protection of Russian national interests, including those of the Russian private business, against various abuses and discriminatory acts on the part of foreign laws enforcement agencies and judicial bodies, must be enhanced. The application

of the principle of “extraterritorial jurisdiction” intensively applied in the US courts is demonstrated by the examples of UD doctrines, such as “arm’s length” and Alien Tort Statute that are actively used in the American judicial system contrary to the principles and rules of application of the decisions of national courts enshrined in the relevant international covenants.

A conclusion is drawn in respect of the growing influence of the social and political processes on the development of international law institutions and mechanisms for the regulation of public processes. As noted by the author, it is necessary to integrate the efforts of legal experts from different law schools and traditions in order to preserve the role of the main public regulator played by both national and international law.

KEYWORDS: *international law, national legal system, public regulator, open world order, national identity, supranational legal regulation, globalization of law, unification of legal norms, centers of power, de-offshorization, sovereignty, extraterritorial jurisdiction*

FOR CITATION: Klishin A.A. Evolution of the Activities of States as Reflected in Legal and Political Teachings. – *Moscow Journal of International Law*. 2020. No. 4. P. 38–63. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-4-38-63>

The author declares the absence of conflict of interests.

1. Введение

Обширная отечественная международно-правовая литература, посвященная взаимоотношениям национального и международного права, обращает внимание прежде всего на общее и особенное в первом и втором и на характер связей между ними [Буткевич 1981:30–73]. В более поздних международно-правовых трудах корректно отмечено, что о взаимоотношениях национального и международного права можно говорить лишь условно; что на самом деле нет единого национального права, хотя есть целостное международное; что международное право взаимодействует с «национальными правовыми системами», которые между собой могут существенно различаться, но национальное право каждого государства (хоть и в разной степени) взаимодействует с международным правом; что международное право, в свою очередь, влияет на национальное право, «и это влияние постоянно возрастает (например, в части обеспечения основных прав человека, защиты окружающей среды» [Вылегжанин, Колосов 2017:19].

Разнонаправленность интересов отдельных государств, несовпадение этих интересов и всегда компромиссных коллективных мер стран естественны, если объективно посмотреть на разницу их экономического потенциала, культуры, национальной идеологии государств мира. Вместе с тем не новым является стремление групп государств со схожими мировоззренческими и идеологическими устремлениями объединиться, представить формирование единого миропорядка в качестве непреложного вектора мирового развития. То

обстоятельство, что международное сообщество является совокупностью разнородных самостоятельных субъектов, не останавливает идеологов глобального правового объединения. Но наличествуют ли у международного объединения такие уникальные качества, которые должны естественным образом заменить важнейшие элементы статуса государств – членов объединения, прежде всего, суверенитет и национальную политику?

Положительный ответ некоторых аналитиков на этот вопрос обосновывался, как правило, глобализацией экономики – процессом, который уже более века назад смущал умы как идеологов практического марксизма, так и тех, кто придерживался либеральных общественно-философских и экономических взглядов. «Экономические интересы, – отмечается в знаменитой “Всемирной истории”, изданной в 1910 г. под редакцией Пфлуг-Гартунга, – по многим признакам, уже начинают заслонять собою даже интересы национальные. ... Международные идеи, мировая промышленность и мировая торговля неизбежно ведут к мировому хозяйству, к системе мировых государств, к мировой политике» [Всемирная история... 1910:7-8].

С тех пор минуло много лет, и многие мировые события, в том числе катастрофичные и трагические, опровергли романтические представления о возможности гармонизировать мировое сообщество на базе единых, всеми принимаемых принципов, единого права, единых юридических стандартов, но попытки сделать это продолжают. Между тем стремление создать «мировое право» наталкивается прежде всего на сопротивление самих национальных правовых систем. Национальные правовые системы, как уже было

отмечено, различны, они испытывают на себе влияние разноплановых факторов, и некоторые из этих факторов заслуживают более пристального внимания и анализа.

2. Политико-правовая характеристика эволюции западной юриспруденции

А. В праве зарубежных стран происходят процессы, которые можно охарактеризовать как кризисные, что само по себе не является чем-то уникальным. Кризисы общественной жизни нормальны, как и периоды спокойного существования, когда накопление внутренних противоречий социальных систем происходит подспудно, незаметно для большинства, но очевидно для специалистов и лиц, принимающих решения. Эти лица, их объединения и специально созданные учреждения применяют комплексы амортизационных мер для устранения текущих противоречий и кризисных тенденций либо для их торможения. Однако полностью ликвидировать эти противоречия косметические, «камуфляжные», паллиативные мероприятия не могут. Отсюда – неизбежность кризисных периодов, глубина которых зависит как от характера противоречий, так и от того, насколько профессиональны и слаженны в своих действиях те, кто принимает практические решения. Это хрестоматийные положения науки об обществе, но их иногда полезно повторять, чтобы не создавалось паническое впечатление об аномальности социальных явлений, происходящих у нас на глазах.

Безусловно, каждому этапу общественного развития присущи свои особенности, и часто отдельные события общественной жизни ярко оттеняют их и заставляют аналитиков, ученых, экспертов обращать более пристальное внимание на специфику тех или иных процессов.

На протяжении последних десяти лет раздражителями, деформирующими общественные представления о жизни, жизненных смыслах и интересах, стали такие события, как миграционный кризис в Европе 2015-2016 гг., выход Великобритании из Европейского союза, приход в Белый Дом президента Трампа с его загадочными представлениями о законах мировой политики и роли в ней Соединенных Штатов, а также пандемия коронавируса и связанный с ней экономический, политический и морально-психологический кризис, затронувший все население земного шара.

Следует обратить внимание на то, что право как необходимый общественный регулятор в указанный период (так же, как, например, во время Второй мировой войны) действует в очень специфических рамках. Либо, как в случае с Брекзитом, переделывается на ходу, часто впопыхах и в угоду политическим и экономическим потребностям конкретного момента. В условиях укрупнившегося в сознании граждан практически безграничного доверия к возможностям права, совершенству правовых институтов, неподкупности судов, непогрешимости правовых максим, такое отношение властей западных стран к праву не может не затрагивать восприятие его роли, способности противостоять властному произволу и защищать интересы простых людей. Об отношении граждан к самим властям, постоянно приспособливающим законы для исправления своих ошибок, можно говорить отдельно (достаточно обратиться к событиям начала июня 2020 г. в США, где действия властей вызвали мощнейшие протесты населения и детонацию расовых и социальных конфликтов, что позже повторилось во многих европейских странах). Ясно, что принцип «верховенства права», на протяжении десятилетий внедрявшийся в сознание масс, дал серьезную трещину.

Такое положение дел не может оставить неприкасаемыми межгосударственные отношения западных стран и международное право как основной регулятор этих отношений. Международно-правовые механизмы испытывают на себе, как представляется, тройственное воздействие. На них влияют внутренние общественные процессы, которые все чаще выходят за национальные рамки и становятся международными. Огромную роль, особенно в Европе, играют международные институты, превратившиеся в высоко бюрократизированные учреждения. Все чаще эгоистично в механизмы действия международных договоров вмешиваются руководители отдельных стран (прежде всего США, претендующих на роль мирового гегемона).

Перечисленные факторы, определяющие состояние и направление развития международно-правовых механизмов, сложны и многогранны. Объять всю картину этих процессов при их разнонаправленности, противоречивости и быстроте смены декораций непросто, и делать это должны, вероятно, коллективы специалистов в самых разных областях. Однако можно показать некоторые наиболее очевидные направления, по которым идут атаки на национальное и между-

народное право, а также то, как право на них реагирует.

Б. В конце прошлого века ряд западных интеллектуалов положили начало развитию нового направления в социальной философии, явственно обозначившего наступление внутреннего конфликта и кризиса западного общества – общества постиндустриального, общества потребления, теперь называемого технократическим. Конфликт этот лежит в двух плоскостях – взаимоотношения личности и государства, а также личности и общества. В своих работах М. Фуко [Фуко 2006], Х. Арндт [Арндт 2000], Дж. Аганбен [Аганбен 2011] и другие делают попытки переосмыслить роль либеральных ценностей и возможность сохранения существующей западной цивилизации – при всех противоречиях, к которым привела идеология абсолютизации демократии, прав человека и других максимум на фоне стремительного технологического скачка и фактического превращения человека в *Homo sacer* – голого человека, человека без личности.

«Либеральный мировой порядок, – пишет Ф. Фукуяма в своей книге “Идентичность”, – не стал благом для всех». «Во многих странах мира, и особенно в государствах с развитой демократией, резко увеличилось неравенство, – продолжает он. – Начиная с середины 2000-х годов, движение ко все более открытому и либеральному миропорядку замедлилось, а потом обратилось вспять» [Фукуяма 2019:26-27]. Между тем влияние технологий практически на все общественные процессы, проникновение киберпространства в человеческое общество, слияние с ним и неизбежные коллизии, включая психологические травмы, подобные описанной в предыдущем абзаце, создают беспрецедентную ситуацию в международной сфере.

«Каждая страна, компания и индивидуумы, – отмечает в своей книге “Мировой порядок” Генри Киссинджер, – сегодня включены в процесс технологической революции либо как субъекты, либо как объекты... Когда индивидуумы сомнительной (неясной) принадлежности способны произвести действие все возрастающего масштаба и амбициозности, само понятие государственной власти может оказаться двусмысленным... Опасность усиливается тем, что отсутствуют какие-либо международные соглашения (регулирующие эту сферу. – А.К.), а если они заключаются, оказывается, что отсутствует система их исполнения» [Kissinger 2014:344,345].

Известный французский правовед Б. Матье так формулирует свое понимание современного кризиса национальных общественных систем западных стран и обусловленного этим кризиса их правового порядка: «Национальную идентичность трудно вместить в одно определение или перечисление правовых критериев. Прогрессирующее стирание или запрограммированное разрушение ценностей, которые определяют идентичность народа, нарушают политический процесс и, следовательно, функционирование демократии» [Матье 2020:8].

В. Анализируя внутренние и внешние факторы, определяющие направления развития современных международных отношений (к растущей разобщенности внутри западных обществ и неконтролируемой экспансии новых средств коммуникаций требуется добавить те неожиданные осложнения, которые принесла с собой пандемия, – вся система международных отношений оказалась на некоторое время выведенной из строя, неработоспособной), и, соответственно, правовых механизмов, их регулирующих, следует отметить, что основные компоненты этого регулирования продолжают сохраняться. Это ориентация большинства западных стран на американские политические и правовые модели и стандарты; доминирование в юридической практике идеологизированных, основанных на штампах либеральной риторики юридических норм, определяющих поведение этих стран на международной арене; консолидированное, агрессивное отношение объединенного Запада к государствам, играющим возрастающую роль в мировых делах (речь, прежде всего, о Китае и России).

Профессор Т.Я. Хабриева так характеризует нынешнее состояние международного права: «Снижается авторитет международного права вследствие открытой демонстрации его избирательного применения и использования в качестве средства продвижения экономических и геополитических интересов отдельных государств» [Хабриева 2016:142]. Деформирование привычных для граждан западных стран юридических стандартов под воздействием сомнительных идеологических и культурных принципов нового времени (скажем, первой четверти нынешнего века), как это ни тревожно, следует признать практически бесповоротным, поскольку наиболее развитые страны Запада живут в соответствии с этими принципами, невзирая на глубочайшие раны, наносимые общественной

нравственности и основам этических моделей, привычных для жителей Европы. Взаимодействие общества и государства, личности и общества (роль семьи, брака, обязанности родителей по отношению к детям, детей – к родителям, права и обязанности граждан по отношению к обществу и государству, обязанности государства по отношению к гражданам и т. п.); сами основы построения, моделирования и функционирования механизмов человеческой организации, закрепленные современными конституциями, подвергаются изменениям.

И эти изменения не всегда заранее спланированы, не всегда опираются на научный анализ, знание законов общественного развития, даже на элементарный набор социологических данных, показывающих особенности сегодняшней экономической, социальной и культурной жизни. Создается впечатление, что продумывание и планирование законодательных шагов просто вышло из моды. И нет более среди признаков западного права того, что О. Шпенглер назвал «отпечатком будущего», «устремленностью в будущее» [Шпенглер 2019]. Да и каким образом что-то планировать, когда экономика большинства стран Запада находится в предкризисном или кризисном состоянии (во Франции, например, в течение ряда лет регулярно вводится чрезвычайное положение по экономическим причинам), растет безработица, сокращается социальная нагрузка на государство, а в политической сфере нарастают нерегулируемые процессы (иммиграционный кризис и непродуманная социальная политика приводят к радикализации политических сил, усилению ультранационалистических, фашистских партий и группировок; объективная картина политически-активных слоев такова, что уже сегодня от 25 до 30 % избирателей в Европе – мусульмане).

Такая ситуация, как и некоторые другие тенденции эволюции европейской и в целом западной жизни создают усиливающееся состояние растерянности и тревоги, для которых все больше оснований. Право, применяемое на территории Европейского союза, деградирующее и отступающее под натиском суррогатных факторов, лишенных национальной, то есть единственно прочной, исторической, культурной, идеологической основы, перестает быть гарантом безопасности, привычным и необходимым для европейцев инструментом организации повседневной жизни. Кельнский, Одесский, Парижский, Брюссельский, Лондонский синдромы – все

это факторы, лишаящие право его исторической роли.

Г. Право Европейского союза (или, как модно его называть, европейское право), в основном опирающееся на римские правовые традиции, представляет собой ту совокупность институтов, понятий и теорий, которую юристы называют романо-германским правом. Вторая его часть – прецедентная, или англосаксонская европейская правовая система – существенно меньше и по разным причинам подвергается менее значительным и глубоким изменениям. Континентальной европейской правовой системе присущи два основных противоречия, о которых пишет, например, М. Марченко в статье «Характерные черты и особенности романо-германского права» [Марченко 2016:5–12]. Эти противоречия – между публичным и частным национальным правом, а также между национальным и наднациональным правовым регулированием взаимосвязаны, более того, второе вытекает из первого.

Тенденция публицизации частного права не раз отмечалась в работах ведущих европейских правоведов задолго до того, как идея общей Европы начала претворяться в жизнь. Эта тенденция наиболее ярко проявляется в развитии национальных правовых систем, особенно Франции, Германии, Австрии, Бельгии. Наступление бюрократии Брюсселя на национальное право европейских стран усилилось. Возобладала точка зрения, что «по своему существу настоящее право как “норма общественного поведения” является “наднациональным” правом» [Марченко 2016:11]. Мы позволим себе не согласиться с М. Марченко и, не углубляясь подробно в этот вопрос, заметим, что события последнего времени, ознаменовавшегося углублением противоречий между наднациональными задачами и национальными интересами европейских стран, показывают необходимость более осторожного отношения к сложившимся национальным правовым системам внутри единой Европы.

Увлечение глобализацией и влиянием этого, на первый взгляд, объективного процесса не обошло стороной и российских правоведов.

«Логично предположить, – пишет В.М. Шумилов, – что формирующаяся “глобальная социальная система” должна иметь некую системно организованную нормативную надстройку, обеспечивающую соответствующий правопорядок». И далее: «В параметрах современного миропорядка глобализация обозначает себя в формате глобального партнерства в целях раз-

вития» [Шумилов 2017:72,75]. В этих условиях, утверждает далее В.М. Шумилов, формируется «наднациональное право», имеющее пока вторичный, факультативный характер, но возникающее тогда, когда «в предписании заложена и/или проявляется некая воля, стоящая выше воли суверенного государства» [Шумилов 2017:75].

Подробный анализ взглядов западных правоведов на то, как процесс глобализации влияет на место и роль национального права и государства в современных западных странах проводит М.В. Мажорина в статье «Трансформация государства и “денационализация” права в контексте международного частного права» [Mazhorina 2019:133–161]¹. В последние двадцать лет, указывает автор, рассматривая концепции различных западных авторов, «глобализация как необратимый процесс становится ускоренной тенденцией возрастающего взаимопроникновения через национальные границы, обеспечивающего развитие “открытого общества”». Этот процесс характеризуется активнейшим информационным обменом, формирующим новое «сетевое общество», в рамках которого происходит «глобальное распространение западной идеологии». При этом в сфере права происходит то, что американский социолог Морис Валлерстайн называет «европеизацией», «американизацией», «вестернизацией» и даже «макдонализацией» права [Mazhorina 2019:135].

Одним из очевидных последствий глобализации, по мнению М.В. Мажориной, становится изменение роли государства как во внутренних процессах западных стран, так и в международных отношениях. «Анализируя процесс трансформации положения государства, – указывается в статье, – нельзя не обратить внимание на несколько тенденций: ослабление государственного суверенитета; демонополизация роли государства в политической и, как результат, в правовой сферах; децентрализация власти и усиление частных факторов, выполняющих традиционные функции государства». Соответственно меняется и международная сфера, превращающаяся в систему многоуровневого управления, в которой государство выполняет роль *primus inter pares* – «первого среди равных» [Mazhorina 2019:139]. В заключении статьи М.В. Мажорина утверждает, что «мы подошли очень близко к явлению (денационализации права. – А.К.), которое не следует игнорировать, поскольку оно обруши-

лось, подобно цунами, на существующую юриспруденцию, угрожая стереть ее с лица Земли» [Mazhorina 2019:153].

Не вызывает сомнения тот факт, что современные процессы трансформируют наши представления о многих привычных явлениях, постулатах и истинах. Глобализация имеет место, хотя события эпидемиологической лихорадки и поколебали уверенность в незыблемости западной солидарности и способности слаженно отвечать на чрезвычайные вызовы. «Политические и экономические интересы отражают глобализацию, – замечает проф. Ю.А. Тихомиров, – право реагирует на эти процессы» [Тихомиров 2020:6].

Д. Право на самом деле не может не реагировать на посягательства на свое жизненное пространство [Правовое пространство...2019:15–18]. Представляется, однако, что слабость и неадекватность реакции современного государства и права на неожиданные, порой агрессивные вызовы – явление не новое и не уникальное. «Право в целом и его отдельные элементы развиваются неравномерно: одни отрасли законодательства быстро меняются, а другие отстают, – отмечает в указанной работе Ю.А.Тихомиров, – и в международном масштабе законодательству присущи то согласованные акции, то смена публичных и частных регуляторов, то унификация правовых норм, то давление на законодательство других стран». Так, простым, традиционным языком автор подчеркивает диалектическую неравномерность развития как отдельных государств, так и международной системы отношений этих государств, сложившейся на сегодняшний день. Причем система эта, особенно ее европейская часть, находящаяся в состоянии кризиса, не способна эффективно противостоять ни новым природным вызовам, ни эгоизму отдельных своих членов. «Мир не стал стабильнее, – утверждает проф. Б.С. Эбзеев. – Явственно деградируют ключевые международные институты, разрушается фундамент миропорядка, а грубое внешнее вмешательство в жизнь стран и народов стало обычным инструментом геополитики и передела сфер влияния» [Эбзеев 2020:17]. И в реальности, подчеркивает автор, речь идет «об обеспечении беспрепятственного доступа к ресурсам других стран и потере ими своей цивилизационной идентичности» [Эбзеев 2020:17]. Действительно, зачастую кому-то требуется ввергнуть право в

¹ См. также статью «Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации» цитируемого автора [Мажорина 2018:193–217].

«самохаос», для противодействия которому требуются «очень строгие инструменты познания правового развития, правовых и иных процессов...» [Тихомиров 2020:6]. Думается, что легкомысленный отказ от права в пользу каких-то невразумительных (хотя и модных), неправовых, суррогатных механизмов воздействия на общественные отношения опасен, чреват непредсказуемыми последствиями и лишениями.

Подчеркнем, что утрата веры в свое национальное право для жителей Европы – событие гораздо более драматичное, чем, например, для россиян или для обитателей Закавказья, Средней Азии, Аравийского полуострова или Юго-Восточной Азии. Вера в «благоразумие права» [Марченко 2016:10], в право как панацею, универсальный инструмент решения всех социальных проблем, в конце концов, в право как воплощение справедливости – привилегия именно граждан западных стран. Но она является одновременно и слабым местом европейских обществ, тем механизмом, который в случае его отказа или сбоя заменить, по существу, нечем. По крайней мере, никакие страховочные средства (сильная религиозная община, организация местного самоуправления, традиционные суды, обычаи, основанные на высоком личном авторитете, властные конструкции) в развитом виде на Западе не существуют. Соответственно, утрата доверия к праву содержит негативный заряд разрушительной силы.

Усилия руководства ведущих западных стран, направленные в основном на сдерживание конкурентов, со все более частыми отступлениями от принятых правовых стандартов вместо развития сотрудничества, солидарности, взаимопомощи в жизненно важных сферах следует признать противоречащими интересам жителей этих стран. Это не новый тезис, достаточно вспомнить демонстрации антиглобалистов или мощнейшие выступления в поддержку традиционной семьи в Европе, однако ситуация не только не улучшается, но, пожалуй, быстро осложняется дальше.

3. Примеры международной практики и их международно-правовые оценки

А. Процесс унификации правовых норм и целых отраслей национального права западных стран, приобретший особый размах в первое десятилетие текущего века, явно пошел на спад, столкнувшись на своем пути с объективными преградами, которые пока не удастся преодолеть

ни руководству западных стран, ни их объединениям. Эти попытки, разумеется, будут продолжаться, и, возможно, сделав вывод из допущенных ошибок, западные государства смогут решиться на какие-то новые пути объединения, менее бюрократизированные и более соответствующие современным представлениям об эффективных формах интеграции. Однако для этого требуется аккуратная и добросовестная «работа над ошибками», которая особенно необходима в период кризиса, охватившего практически весь мир после в результате пандемии. Мероприятия по приведению правовых механизмов в соответствие с требованиями современной жизни должны охватывать все ее стороны, однако хотелось бы коротко остановиться на некоторых характерных нововведениях правовой действительности западных стран, которые, кстати, непосредственно затронули и российское право.

События последнего времени, происходящие в странах Запада, примечательны прежде всего тем, что имеют четко определенный правовой контекст, который не всегда виден за более яркой идеологической или политической картинкой. Вопрос о том, насколько право обусловлено политикой, – особый, важно другое: право, будь то континентальное, кодифицированное право или его прецедентный вариант, играло роль одного из краеугольных камней западной цивилизации наряду с религией и философией. В меньшей степени право было значимо для цивилизаций иных, в том числе и для российского государства и российского общества.

Вместе с тем понятно, что весь привычный порядок вещей для европейца, например, или для жителя Северной Америки зиждился на праве, Конституции, судебной системе. Конечно, такие массовые, стихийные процессы, как бегство миллионов людей, устремляющихся в поисках более спокойной и достойной жизни (или жизни вообще) в европейские страны, в основном не готовые к приему гостей ни в каком смысле (психологическом, экономическом, юридическом), не может не создать напряжения с точки зрения соблюдения базовых прав и свобод коренного населения, конкуренции этих прав с правами вновь прибывающих масс. Тем более что часто в этом процессе превалирует не здравый смысл или желание соблюсти права европейцев, а вполне сиюминутные, политические мотивы.

В этой связи показательной является точка зрения президента Академии права Таллинского Университета проф. Р. Мюллерсона по пово-

ду необходимости баланса власти, политики, права. «Любой баланс власти предполагает наличие множества центров силы, – пишет проф. Р. Мюллерсон. – При наличии одного центра силы возникает либо тоталитарное государство внутри одной страны, либо имперская система в международных отношениях... Международное право (в отличие, например, от имперских правовых систем или нынешнего законодательства Евросоюза) не способно существовать в системе с одним доминантным центром. Современная система международного права с ее понятиями суверенитета и невмешательства во внутренние дела начала появляться только с возникновением относительно равноправных, централизованных национальных государств» [Мюллерсон 2016:96]. Требуется сделать акцент на этом противоречии: вся система норм, регулирующих международные отношения, возникает и может существовать только тогда, когда существует несколько конкурирующих центров силы. Напомним, что всегда так и было – до Вестфальских решений и после них, до и после Версаля, Потсдама и вплоть до начала 1990-х, когда распался СССР. При этом выводы из событий конца 1980-х – начала 1990-х разными игроками на международной арене были сделаны совершенно противоположные. Западные страны во главе с США решили, что построенная ими пирамида, где главенствующую роль, роль гегемона играют именно Соединенные Штаты, является если не единственным, то совершенно доминантным фактором в международных отношениях, тогда как Россия, а вместе с ней и другие бывшие члены Союза ССР попали в зависимое, второстепенное положение.

Как предостерегает проф. Мюллерсон, в этой однополярной системе начали складываться такие отношения между странами, при которых национальные интересы все чаще приносятся в жертву политическим амбициям. «В мире с однополярными тенденциями международное право (результат $\leq \dots \geq$ компромиссов) и его истолкование диктуются одним центром. В такой ситуации право фактически не работает» [Мюллерсон 2016:98]. Возникает вопрос, а что же работает вместо права, какие нормы задействуются для того, чтобы общественные процессы не постигла анархия? Ответить на этот вопрос не так-то просто.

Как было сказано, эпоха тоталитарного господства в международных отношениях группы стран во главе с США, а по существу господства

именно США (вспомним Югославию, вторжение в Ирак, события после «арабской весны», Сирию), длится недолго. Да и основные документы, на основе которых строятся системы международных отношений, приняты в другое время, время баланса интересов.

Б. «Право развивается, право расширяется, – писал проф. Ю.А. Тихомиров, – право везде присутствует, но оно реально рушится». Причина вполне понятна: «Ослабевают постулаты, ибо действуют другие интересы, побуждения и загадочная мотивация» [Тихомиров 2017:6]. Видимо, действительно следует обратить внимание на предлагаемую Ю.А. Тихомировым концепцию «циклов правового развития». Можно допустить, что мы являемся свидетелями смены одного такого цикла другим. Однако некоторые особенности международно-правовой эволюции остаются неизменными. Одной из таких особенностей является близость международного права к политике, точнее – взаимодействие международного права и политики государств [Вылегжанин 2015:418–433]. Политика и политическая практика государств, особенно сильных в военном и экономическом плане, оказывают на право определяющее влияние. «Международное право, – утверждает проф. Мюллерсон, – гораздо более политизированное явление, чем внутренние правовые системы» [Мюллерсон 2016:101]. С этим следует согласиться. Иначе трудно понять, почему под воздействием политических факторов настолько сильно меняется роль даже таких мощных международных организаций, как ООН, Генеральная Ассамблея которой иногда служит орудием влияния одной группы стран в ущерб интересам остальных. Это именно та угроза, которая, если верить мемуарам У. Черчилля, особенно тревожила американского президента Ф. Рузвельта в период создания этой организации.

В не меньшей степени задаче обслуживания интересов группы наиболее развитых, сильных и влиятельных стран соответствуют организации, созданные в послевоенный период, когда готовились и подписывались Римский, Маастрихтский, Лиссабонский договоры, закреплявшие конструкцию Европейского Союза в том виде, какой она имеет сегодня. Незаметно, хотя и без всяких утаек, многие функции национальных органов переключивались в органы Союза, а соответствующие законы, которые некогда отражали достижения (в том числе и социальные) отдельных государств, перестали работать, по-

глощенные унификационными процессами в рамках ЕС. Таких сфер множество – от трудовых и миграционных до семейных, таможенных. Когда же возникла необходимость регулировать на национальном уровне проблемы жизни и адаптации мигрантов, а потом и проблемы защиты от их посягательств коренных граждан Европы, то выяснилось, что таких защитных, иммунных механизмов у европейских государств нет: все передано союзным органам и союзному регулированию, которое, неожиданно для самих членов ЕС, стало строго обязательным.

Как отмечает М.В. Мажорина, «все более и более часто частные факторы создают неправильные инструменты, которые не являются частью национального, международного или наднационального права. Примеры такого частного нормотворчества включают «самодельные нормы» (выражение М. В. Мажориной – А.К.), разрабатываемые профессиональными ассоциациями, международными торговыми арбитражными учреждениями, научными заведениями...» [Mazhorina 2019:142-143]. Такие классические институты коммерческих контрактов, как арбитражные оговорки и положения о применимом праве, по утверждению автора, также деформируются до неузнаваемости, отсылая участников к соответствующим новым арбитражным и медиационным процедурам и общим правовым концепциям (например, к верховенству закона). Цитируя известного чешского правоведа А. Белоглавека, М.В. Мажорина пишет: «...для того чтобы вынести независимое суждение, национальные суды должны позабыть о нормах национальных актов в области торгового права и каких-либо национальных юридических понятиях о контрактных или внеконтрактных обязательствах. Вместо этого они должны прибегать к выдуманному (fictitious) юридическому эсперанто» [Mazhorina 2019:143].

Данные замечания проф. М.В. Мажориной ясно показывают, как концептуальные причуды «правовой глобализации» могут оказывать практическое воздействие на повседневную жизнь людей, их отношения между собой, защиту прав, возмещение понесенного ущерба и т. д. Вместе с тем исследование подобных явлений социальной жизни наводит на мысль, что создание такого рода «юридического хаоса», фетишизация весьма размытых понятий, вроде «верховенства закона», интерпретируемых по-разному в зависимости от национальных культурных, исторических, правовых традиций, кому-то нужны.

Обстановка, при которой право уступает место суррогатам, необходима для решения вполне прагматичных задач, связанных либо с обеспечением монопольного положения в экономической области, либо с политическим доминированием. При этом для удобства и быстроты принятия решений и эффективного воздействия на соответствующие сферы экономической и иной деятельности формируется необходимый массив неправовых (паранправовых) понятий и инструментов, заменяющих собой традиционные нормативные механизмы правового регулирования.

В. Одним из направлений бурного унификационного процесса последних двух десятилетий, находившегося в русле усилий США и других ведущих стран Запада по глобализации мировой экономики, явилась деофшоризация мирового хозяйства и связанное с ней интенсивное развитие различных форм деятельности международных и национальных служб финансового и валютного контроля. Принимая во внимание необходимость мер по противодействию теневой экономике, обороту наличности, питающей разного рода преступный бизнес и развитие криминальных, в том числе террористических, видов деятельности, полагаем необходимым заметить следующее.

Различные налоговые режимы для национальных юрисдикций отдельных стран были введены вполне сознательно как стимуляторы деловой активности и предпринимательства, а вовсе не как способы уменьшить легальные, фиксируемые способами, принятыми в практике налоговых органов, поступления в национальные государственные бюджеты в пользу нелегальных, скрытых от контроля объемов богатств, циркулирующих в теневых экономиках отдельных стран, а также в международных масштабах. Отмеченное негативное влияние льготных налоговых правил – вполне прогнозируемое явление, локализуемое и исправляемое на национальном уровне путем корректировки соответствующего нормативного материала – явилось причиной, а точнее предлогом, для того чтобы нанести удар по экономикам целых стран, ликвидировав такие основополагающие принципы, как банковская тайна, судебный порядок затребования и предоставления финансовой информации, подчинение налогового режима лиц определенной национальности юрисдикции исключительно национальных судов и непризнание экстерриториальной силы решений национальных судов на чужих территориях.

Начавшиеся после террористических атак конца 1990-х – начала 2000-х годов действия многочисленных служб США, а потом и подконтрольных им международных агентств обрушились на европейские банки, производственные компании, правительства самостоятельных государств и произвели разворот не только в повседневной практике экономических субъектов, но и в головах государственных чиновников, банковских служащих, менеджеров компаний, финансовых брокеров и т. д. Хорошо известны решения национальных судов США в отношении швейцарских, лихтенштейнских, французских банков, автопроизводителей Германии, фармацевтических компаний из Азии и Европы. При существующей системе международного полицейского, финансового и налогового сыска отмахнуться от подобных решений невозможно – они будут исполняться под контролем американского министерства юстиции, невзирая на национальные границы, сроки давности и разного рода протесты тех стран, которые, будучи не согласны с решениями чужих судов, не в состоянии не только оспорить их, но даже защитить своих граждан от похищения и пыток.

Еще одна характерная особенность процесса деофшоризации следующая. Хорошо известно: для того чтобы граждане и компании не платили налоги с одних и тех же сумм доходов сразу в нескольких юрисдикциях, где они так или иначе присутствуют (живут, зарегистрированы, совершают сделки, получают доходы, подписывают обязывающие документы и т. д.), в практике межгосударственных отношений довольно давно появились соглашения об избежании двойного налогообложения. Эти документы – формальные юридические договоры с понятной, апробированной терминологией, судебной практикой применения и толкования их норм национальными и международными судами, с отработанными процедурами дипломатического и консульского взаимодействия по поводу коллизий, возникающих в ходе их имплементации.

Бурная антиофшорная деятельность дала толчок к использованию юридического инструментария налоговых соглашений для разработки на их основе большого массива неюридических, технических по существу понятий и положений,

которые переводят налоговые (а в нашей стране и валютные) отношения в разряд квазигосударственных, административных, где применяются принципы, приемы и правила, не известные ни юридической доктрине, ни сколько-нибудь серьезной судебной практике. Развитие этой околоюридической сферы финансового контроля оказывает непосредственное влияние и на российское право – как в его нормативном, так и в правоприменительном аспектах. Достаточно сослаться на ФЗ № 376 от 24 ноября 2014 г. «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового Кодекса РФ (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций)». Текст этого документа изобилует понятиями и терминами, не известными ранее действовавшему российскому законодательству. Таковы, например, термины «контролируемая компания», «косвенное участие в организации», «фактическое право на доходы» (ст. 7 Закона); «контролирующие лица» (ст. 25), «контроль над организацией», «действия, оказывающие определяющее влияние на решения, принимаемые организацией» (ст. 25) и т. п.²

Нелегальные доходы, офшорные формы компаний и бегство от налогов, наряду с повальной коррупцией и казнокрадством – это те «страшилки», которые все больше используют ведущие западные страны, чтобы обосновать жесткие политические и экономические действия по сдерживанию таких «непослушных» конкурентов, как Россия, Китай, Иран. Одним из примеров скандального использования темы неуплаты налогов и бегства в безналоговые юрисдикции вкупе с темой коррупции и сокрытия незаконных доходов высшего чиновничества явился скандал с «панамским досье», который направлен прежде всего против России и ее руководства. То обстоятельство, что волны скандала могут задеть и уже заделали нейтральные и союзнические страны, например Исландию, Великобританию и Аргентину, не должно вводить в заблуждение. Вспомним не такую далекую историю с Кипром, когда была предпринята попытка первой западной атаки на российский бизнес, и прежде всего госкомпания и банки, проводившие большой объем операций через кипрские счета.

² См.: Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций)». – *Справочно-правовая система КонсультантПлюс*. Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171241/ (дата обращения: 18.08.2020).

Стоит заметить, что кипрские юридические лица по всем формальным признакам не могут считаться оффшорными, они сдают балансы и аудируются, а сам Кипр, кстати, полноправный член Евросоюза, никак не должен признаваться «налоговым раем». От действий европейских финансовых властей самым серьезным образом пострадала кипрская экономика, но не только она: тысячи англичан, исторически державших деньги в кипрских банках, владевших там недвижимостью и использовавших местные компании и профессиональных кипрских корпоративных администраторов, также пострадали. Их потери составили миллиарды долларов (или фунтов, кому как нравится), но разве это кого-нибудь остановило?

Нашим надзорным органам следовало бы принимать эти примеры к сведению и с осторожностью применять инструментарий, разработанный американской и европейской службами финансового надзора для глобальной политической борьбы, в своих мероприятиях, направленных на контроль отечественного бизнеса. Вообще, полезно иметь в виду, что бизнес – это такая сфера деятельности, где должен существовать общественный договор, обеспечивающий баланс между государственными и частными интересами и дающий возможность проявиться в необходимых пропорциях частной инициативе и тем нормальным материальным мотивам ведения дел, которые не противоречат закону и потребностям общества. Думается, что именно формой такого договора между государством и бизнесом являются зоны свободной торговли, таможенные зоны, зоны открытых портов, опережающего развития и т. д. Безналоговые режимы отдельных юрисдикций – разновидности таких организационных форм ведения бизнеса. Американские корпорации, например, с успехом применяют их, используя свои национальные безналоговые зоны, латиноамериканские, карибские льготные юрисдикции, и никто не слышит о беспощадной борьбе американской Фемиды с этими постыдными явлениями.

Г. Хорошо известно, что право, как любой инструмент, изобретенный людьми, может играть как созидательную роль, так и быть оружием в конкурентной борьбе. Это находит свое подтверждение сплошь и рядом, как на уровне ограниченного локального рынка, так и в международных отношениях всемирного масштаба. Примером такого воинственного применения права является повсеместная борьба (конкуренция) национальных

и интернациональных правоохранительных органов, специальных надзорных служб и даже судов. Сама по себе проблема границы, при переходе которой право превращается в свою противоположность, не утрачивая основных социальных характеристик, представляет интересную тему для научного и практического исследования. Важно отметить, что участие в кампаниях, подобных международной борьбе с оффшорами, требует внимательности и осторожности, поскольку интересы разных стран при проведении таких мероприятий различны, и очень часто цели, которых отдельные страны стремятся достичь, используя специализированные организации, создаваемые на основе международных соглашений, далеки от добросовестных.

Приведу пример таких недобросовестных действий западной правоохранительной системы по отношению к российским гражданам. В газете «Ведомости» была напечатана статья профессора Нью-Йоркского университета Марка Галеотти с характерным названием «Границы права». Статья посвящена преследованию испанской полицией организованных преступных групп петербургского происхождения, окопавшихся в Европе и занимающихся там противоправной деятельностью. Тема знакомая. Новым является принятие двумя испанскими прокурорами решения объявить в розыск высокопоставленных российских чиновников, среди которых В. Зубков (бывший премьер РФ), Д. Козак (в то время вице-премьер РФ), И. Соболевский (бывший заместитель руководителя СКР) и другие. Эти граждане по версии следствия являлись пособниками упомянутых организованных преступных групп. Заметим, что никаких доказательств этого у следствия нет, сам автор пишет, что «пока эти утверждения не пройдут проверку в суде, правды мы не узнаем». Здесь же автор, настроенный вполне воинственно по отношению к «российской клептократической системе», задает важный вопрос: «Можно ли говорить о том, что кампании, подобные испанской, начинаясь как сугубо правовые, превращаются – намеренно или нет – в зарубежные кампании, направленные на смену режима?».

Утвердительный ответ на этот вопрос для нас очевиден при всей важности борьбы со «сращиванием», «отмыванием», «коррупционной деятельностью» и пр. Это как раз очень показательный пример того, как правосудие и правоохранительная работа превращаются в свою противоположность, когда используются в чисто

политических целях давления, шельмования и клеветы. В Европе, да и во всем мире существуют вполне развитые, не раз применявшиеся на практике, показавшие свою эффективность формы взаимодействия государств при расследовании транснациональных преступлений с использованием международных институтов, договоров о правовой помощи и т. д. Возможностей сотни, но все они – обычные, не подвергающие сомнению репутацию действующих государственных служащих или бывших чиновников, не ставящие их в сложное положение, когда необходимо по непонятным причинам доказывать (неизвестно как), что «ты не верблюд». Лучше как раз сделать обратное – объявить известных людей в международный розыск и затем организовать их преследование, невзирая на то, что они – граждане совсем другой, совершенно самостоятельной страны. «Этот путь (экстерриториального уголовного преследования чужих граждан. – А.К.) – вообще, вероятно, один из самых эффективных инструментов, доступных Западу, если он стремится поощрять очищение российской политической системы», – подводит итоги своим рассуждениям М. Галеотти³.

Когда речь идет о конкурентной борьбе и необходимости всеми средствами затруднить, сдержать слишком быстрое развитие соперников, жесткая солидарность «вожаков» нынешнего миропорядка проявляется практически во всех значимых сферах жизни. О том, как правила ВТО, превращаясь в «часть глобальной системы регулирования международной торговли», дают «неоспоримые преимущества тем странам и экономическим агентам, которые уже обладают значимыми интеллектуальными активами – патентами, авторскими правами, товарными знаками», и одновременно создают «экономические и организационные барьеры» для промышленно-технологического и инновационного развития других стран, рассказывает статья А. Иванова «Дать знаниям свободу» [Иванов 2016:92-93]. Заметим, кстати, что при таких правилах игры на международной арене вообще и в рамках ВТО в частности, недостаточно только сетовать и критиковать их, без практических выводов для своей деятельности. Наоборот, понимая, что никаких «джентльменских» приемов в арсенале сегодняшних игроков просто нет, необходимо адаптировать свои действия к существующим реалиям

и жестко отстаивать в конкурентной борьбе свои интересы, что у нас, нужно признать, не всегда хорошо получается.

Соединенные Штаты не отказываются от своей роли лидера западного мира и, по мнению американских политиков, могут законно и обоснованно претендовать на то, что международное право – это сборник правил, которые представляются верными США. Эту мысль так формулирует политолог Т. Бордачев: «Сила той группы, которая в результате (продолжительной) борьбы добилась доминирования в мире, должна была обрести характер права» [Бордачев 2020:11]. Существует, правда, мнение, что в условиях полного доминирования какой-то одной силы, пусть и самой справедливой, право вообще перестает играть свою роль, так как утрачивается предмет регулирования: все встали в строй, и никаких разногласий не возникает, все действуют как один. Эта картина, конечно, даже в идеале далека от реальности, что признают и США, не переставшие твердить при этом о лидерстве. «Сам успех предприятия по созданию единой системы “нового мирового порядка” во главе с США, – отмечает Г. Киссинджер, – в конце концов приведет к тому, что у этой системы возникнут конкуренты». «При построении мирового порядка, – подчеркивает бывший госсекретарь, – ключевым вопросом неизбежно становится содержание положенных в основание объединения (единства) принципов, которые коренным образом отличают западный и незападный подходы к понятию “порядка”» [Kissinger 2014:343].

Следует подчеркнуть, что до самого последнего времени американские представления о мировом порядке, так же, как взгляды большинства американских (и в принципе европейских) политиков и юристов на устройство международных отношений и международного права, исходили из концепции объективной неизбежности глобализации (т. е. объединения, единения, унификации) всех сторон жизни, всех основных направлений регулирования общественных процессов – от экономической сферы (единые налоговые, таможенные, тарифные правила; единое антимонопольное, экологическое, банковское, трудовое и пр. законодательство) до политической жизни (принципы формирования представительных органов, права человека, миграционное зако-

³ Галеотти М. Границы права. – *Ведомости*. 10.05.2016

нодательство и т. д.). Отсюда – недалновидное, зачастую пренебрежительное отношение как к собственному национальному праву, так и к тем международно-правовым механизмам, которые сложились в доглобалистский период.

Отношение президента Трампа к своим международным обязательствам или к требованиям международных соглашений, участником которых являются Соединенные Штаты, отличается агрессивностью и тем, что В.М. Шумилов назвал правовым нигилизмом [Шумилов 2015:8]. Эти особенности менталитета действующей американской администрации пока не вполне «монтируются» с представлениями их европейских партнеров о принципах взаимоотношений государств на современном этапе. Очевидно, эта задача будет решаться во время второго срока президентства Д. Трампа, если приближающиеся выборы пройдут для него удачно.

Д. Отдельной темой международной жизни, в частности европейской, является деятельность международных судебных органов. Идея создания таких учреждений, заложенная еще в Римском договоре, безусловно, плодотворна, тем более что в любом союзе неизбежно возникают конфликты между его членами, и их нужно разрешать, а на более практическом уровне – там, где взаимодействуют между собой физические и юридические лица, проблема разрешения споров стоит особенно остро. Поэтому создание судебных органов внутри Союза, а также развивающаяся практика учреждения разного рода международных арбитражей является требованием времени. Другое дело, насколько все эти органы свободны от политических влияний и пристрастий, насколько они являются действительно юридическими инстанциями, а не орудием политического давления и решения политических задач. Это опять-таки вопрос существования баланса сил, который способен обеспечить беспристрастность и объективность судебных решений. «Принцип баланса сил, – рассуждает в упомянутой статье Р. Мюллерсон, – часто вызывает споры: юридический он или политический. В первую очередь политический, но именно он становится основой международного права. Если элементы этого баланса закреплены в юридических документах – политический баланс опирается на нормы международного права» [Мюллерсон 2016:101–102].

Наиболее масштабным, как с точки зрения количества рассматриваемых жалоб, так и в плане доктринального осмысления принципов участия России в соглашениях, посвященных международным судебным органам, стало взаимодействие с Европейским Судом по правам человека и подписание соответствующей Конвенции. Главные вопросы такого взаимодействия потребовали даже внесения изменений в Конституцию РФ. Напомним, что Россия присоединилась к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950) лишь через сорок шесть лет после образования суда, в 1996 г. К этому времени ЕСПЧ был уже вполне сложившейся организацией со своими внутренними регламентами и достаточно широкой практикой. Она касалась в основном рассмотрения жалоб частных лиц, что изначально не входило в перечень основных задач суда, как их видели государства-основатели⁴. Такое изменение в текущей работе ЕСПЧ потребовало существенной модификации и доработки внутренних процедур, в результате чего решения суда стали не только обязательными для стран – участниц конкретного процесса, но и преюдициальными для самого суда в целом. Таким образом, складывающаяся в ЕСПЧ собственная практика становится существенным источником права при принятии судебных решений. Это важно учитывать, поскольку российские правоведы неоднократно обращали внимание на то, что Россия, не принимавшая участия в разработке и оформлении судебных процедур суда, а также вопросов исполнения судебных решений, возможно, оказалась не готовой к той новой роли международного правосудия, которая сформировалась по мере становления и развития Европейского Союза в целом [Имплементация решений ЕС...2019:20].

Дальнейшая деятельность ЕСПЧ выявила несколько принципиальных проблем взаимодействия национальных государств и международных институтов, ими созданных. Первая проблема – представление о суверенитете национальных и межгосударственных органов правосудия. Этот вопрос, как правило, интерпретируется с позиций понимания государственного суверенитета. «Что означает “нетрадиционное понимание государственного суверенитета”, – размышляет Б.С. Эбзеев, – и на какой основе – силы или права – должна происходить консти-

⁴ Подробнее см.: [Исполинов 2017:26–34].

туционализация международного правопорядка, гарантируемая независимой судебной властью, каковы ее темпы и кем они определяются, в какой мере процессы становления транснационального конституционализма соответствуют цивилизационно-культурным особенностям народов...?» [Эбзеев 2017:6]. Суверенизация статуса национальных судебных органов представляет собой предмет дискуссии как в отечественной правовой науке, так и за рубежом [Имплементация решений ЕС... 2019:73-80], однако очевидно, на наш взгляд, что национальные суды стран – участниц Конвенции 1950 г. подчиняются только внутренним законам. В этом смысле ЕСПЧ не является высшей инстанцией для национальных судов, и такая позиция разделяется большинством государств – членом ЕСПЧ.

Второй проблемой, тесно связанной с первой, является процедура исполнения решений Европейского Суда. Оговоримся, что и этот вопрос состоит из нескольких: идет ли речь о всех решениях суда, либо те из них, которые касаются требований и рекомендаций о приведении к общим принципам, одобряемыми Венецианской комиссией, не являются императивными для стран-участниц. Так или иначе, российская власть высказалась по данному вопросу вполне определенно еще в 2015 г., когда Конституционный Суд РФ вынес решение в отношении конституционности положений ст. 1 Федерального Закона РФ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней». В соответствии с данным Постановлением КС решения ЕСПЧ должны исполняться как нормы внутреннего российского законодательства в том случае, если они не нарушают прав человека и не противоречат принципам конституционного строя Российской Федерации⁵. В дальнейшем, положения данного Постановления, помимо их тщательной доктринальной разработки и многократной конкретизации российскими судебными органами, нашли свое отражение в новой редакции ст. 79 Конституции РФ. Такая позиция российских властей, по выражению Б.С. Эбзеева,

«есть гарантия непротиворечивого взаимодействия национального и международного правопорядков и верховенства Конституции в правопорядке России» [Эбзеев 2020:18].

Есть и еще одна проблема, с которой сталкиваются наши органы внешнеполитической деятельности, российские юристы, взаимодействующие с ЕСПЧ, в процессе своей работы, – политизация суда и его решений [Барциц 2020: 37, 55-56]. Идея, заложенная при образовании ЕСПЧ после подписания соответствующей конвенции, заключалась в создании межгосударственного судебного органа, который в своей работе должен быть свободен от политических пристрастий и влияний. Конечно, многое изменилось в мире за прошедшие семьдесят лет, международные процессы подверглись существенному воздействию, которое трудно было предвидеть в середине прошлого века. Самым значительным из таких последствий следует, вероятно, считать упоминавшуюся выше глобализацию, однако относить все сложности межгосударственных отношений на счет этого обстоятельства едва ли справедливо. Скорее следует признать, что «глобализация не отменяет конкурентной борьбы, в которой активно используются средства политического, экономического, информационного, а также военного давления...» [Эбзеев 2020:18]. И, добавим, правового давления тоже.

Действительно, было бы хорошо выработать общие для европейских стран понятия, например, прав человека, которые, несмотря на активную риторику в этой сфере, все же существенно отличаются от страны к стране в зависимости от истории, культурных и правовых традиций и других факторов. Хорошо было бы также после выработки таких критериев унифицировать нормы национальных законодательств, применяемые в сфере фундаментальных прав человека, чей приоритет заложен в конституциях всех европейских стран, наряду с обязанностью государства защищать эти права. Пока же критерии вырабатываются и законодательство проходит унификацию, Европейский Суд призван,

⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ч.ч. статей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». – *Российская газета*. 25.07.2015. Доступ: <https://rg.ru/2015/07/27/ks-dok.html>

в соответствии с Конвенцией и Положением, защищать нарушенные права европейцев в тех случаях, когда национальный правовой ресурс оказывается исчерпанным.

На практике, однако, происходит иное. Европейский Суд превращается в сложную бюрократическую машину, живущую по своим законам, действующую все более агрессивно в отношении национальных судебных систем, национальных законодательств и решений исполнительных властей национальных государств. Такая агрессивность обосновывается необходимостью защиты каких-то общих ценностей и принципов, которые на деле странами понимаются совершенно по-разному. Не случайно британские власти намерены обеспечить изъятия из действия Конвенции в отношении своих военнослужащих, участвующих в вооруженных конфликтах; Турция заявляет о приостановке членства в Конвенции в связи с намерением восстановить действие в стране смертной казни; Россия принимает закон о невозможности исполнения постановлений ЕСПЧ в случаях, когда такие решения противоречат российской Конституции. Кстати отмечу, что не на уровне закона, а в порядке индивидуальных актов подобные решения о невозможности исполнения вердиктов Европейского Суда в случае явного противоречия последних национальному законодательству принимались и в других странах, например в Германии.

Сам Европейский Суд по правам человека, на наш взгляд, все больше становится частью международного механизма по проведению определенной политики в отношении ряда стран. Его решения приобретают характер дополнительных мер, обременяющих те страны, в отношении которых приняты «клубные» решения санкционного характера. Речь, прежде всего, о России, в отношении которой принимаются такие решения (например, по делу «Юкоса»), которые вполне можно предсказать заранее вплоть до аргументации и формулировок. Можно предвидеть, что таковыми будут также решения по жалобам, касающимся событий 2008 г. в Осетии и Абхазии, и по текущим событиям на Донбассе. Кстати, отметим, что ни одна из тысяч жалоб, направленных в защиту прав и законных интересов жителей Донбасса, пострадавших от действий украинских войск, не принята судом к рассмо-

трению. Находятся сотни процедурных причин и рогаток, чтобы указанные жалобы отклонять либо оставлять их без движения годами.

Спрашивается, нужно ли России участвовать в таком соглашении, которое носит, по мнению юристов, все более дискриминационный характер. Российские эксперты и парламентарии не раз поднимали вопрос о прекращении членства России в Конвенции по правам человека и выходе из членов ЕСПЧ либо о приостановке этого членства, но в ответ звучат аргументы о необходимости участия в «европейском процессе», которые, превалируют до настоящего времени.

4. Суверенитет и юрисдикция: вопросы современного понимания понятий

А. О значении терминов «суверенитет» и «юрисдикция» написано много. И с точки зрения национального права, и в контексте права международного. Упрощая, отметим, что суверенитет относится больше к общей характеристике политического статуса государства, в то время как юрисдикция имеет скорее юридико-технический смысл, будучи связанной с деятельностью судебной системы и статусом судебных органов. Признаем, однако, что очень часто говорят о «судебном суверенитете», и это создает некоторую путаницу. Впрочем, исследуя одно из явлений, например юрисдикцию, невозможно обойтись без анализа, хотя бы краткого, второго явления – суверенитета, тем более что в последнее время понятие суверенитета, суверенности становится центральным во многих документах, имеющих первостепенное значение.

Применительно к международным отношениям суверенитет иногда интерпретируется как «полнота и независимость законодательной, исполнительной и судебной власти государства, исключительная компетенция государства на своей территории»⁶. Другие авторы предпочитают давать более развернутое определение суверенитета. «Государство осуществляет над своей территорией суверенитет, – пишет проф. А.Н. Вылегжанин. – Признаки суверенитета, напомним: верховенство государства в пределах его территории и самостоятельность в международных отношениях»⁷. Для обоснования такой трактовки суверенитета в учебнике МГИМО

⁶ Шумилов В.М. *Международное право: учебник*. М.: Юстиция. 2018. С.118.

⁷ *Международное право: учебник для академического бакалавриата. В 2 частях. Ч.1*. Под ред. А.Н. Вылегжанина. 3-е изд. М.: Юрайт. 2018. С. 101.

приведена позиция Международного Суда ООН по делу о проливе Корфу 1949 г. «Одной из существенных основ международных отношений между независимыми государствами, – отметил Суд, – является уважение территориального суверенитета». Государство «не вправе реализовывать свое территориальное верховенство на территории другого государства», отмечается в учебнике МГИМО.⁸

Вместе с тем нередко политическое содержание категории суверенитета доминирует над ее юридической формой [Эбзеев 2020:18]. В данном случае имеется в виду прежде всего неоправданно широкое использование модной теории делимости суверенитета, ограничения суверенитета, передачи суверенитета и т. д. Эта теория стала особенно распространенной на рубеже веков, хотя «эрозия государственного суверенитета» произошла, по мнению одного из западноевропейских авторов, Джозефа Мражека, именно в конце прошлого века в силу качественных изменений природы международных отношений, в которых все более активное участие принимают различные международные организации. «Инструменты, связанные с защитой гражданских прав, наряду с развивающимся международным правом, противостоят целому ряду требований, опирающихся на традиционное понимание суверенитета». – «Суверенные государства, – продолжает автор развивать свою позицию относительно ограничения национального суверенитета, – накладывают ограничения на свои суверенные права в пользу международного сотрудничества» [Mrazhek 2019:168].

На примере взаимодействия с ООН Д. Мражек утверждает, что государства-члены, присоединившись к Организации, «сократили» свой суверенитет, или «поделились» суверенитетом [Mrazhek 2019:169-170]. Создается впечатление излишней легкости, с которой западные юристы трактуют категорию государственного суверенитета, производя над этим краеугольным камнем независимости и самостоятельного развития разнообразные опыты. Такой легковес-

ный подход может, как представляется, сыграть с современными государствами злую шутку, незаметно превратив их в доминионы, подчиненные воле менее деликатных и более напористых партнеров. По-видимому, подобное опасение заставило участников Конституционного совещания, при всем разнообразии их взглядов, принять единственно верную формулу защиты государственного суверенитета, закрепив в ст. 67 Конституции положение о защите государством своего суверенитета и территориальной целостности. «Действия, направленные на отчуждение части территории России, а также призывы к таким действиям не допускаются» (п. 2.1. ст. 67)⁹.

Соотношение суверенитета и юрисдикции таково, что вторая представляется одной из граней юридической формы первого. При этом, чтобы не путаться в терминах, ограничим дальнейший анализ рамками такого понимания юрисдикции, которое относится к сфере правосудия. Термин «юрисдикция» (лат. *jurisdiction*) берет свое происхождение из римского правового словаря и означает «право суда осуществлять свою власть в отношении дел определенной категории»; это также «судебная компетенция, подсудность»¹⁰. Термин в таком значении употреблялся российскими правоведом [Таганцев 1902:286-287]¹¹ и был воспринят советской юридической терминологией¹², а впоследствии – современными российскими юристами¹³. При этом во все времена емкое понятие «юрисдикция» в значении «подсудность» включало в себя разные составляющие: выделяли подсудность гражданскую, уголовную и военную¹⁴; территориальную, ограниченную, производную [Таганцев 1902:286-290]; национальную, международную, параллельную, личную, обязательную и пр. Понятно, что при подобном разнообразии терминов необходимо определиться, о какой именно юрисдикции идет речь, тем более что современные толкования этого термина зачастую напрямую связаны с более общими, глобальными правовыми категориями, такими как «суверенитет», «независимость», «самостоятельность».

⁸ Там же.

⁹ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. – *Справочно-правовая система КонсультантПлюс*. Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/8c6502533e28841baf74c1068f88b162a5e9b4ea/ (дата обращения: 18.08.2020).

¹⁰ См.: Латинский словарь юридических терминов и выражений. М.: Феникс. 2000. С. 148.

¹¹ См.: Брокгауз и Эфрон. Энциклопедический словарь. Т. 47. СПб. 1898. С. 114.

¹² См.: Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. 1987. С. 1577.

¹³ Шумилов В.М. *Международное право: учебник*. М.: Юстиция. 2018. С.31–34.

¹⁴ См.: Брокгауз и Эфрон. Энциклопедический словарь. Т. 47. СПб. 1898. С. 120–122.

Б. Вопрос национальной юрисдикции в его трактовке российскими юристами имеет как бы два измерения: то, как российская юридическая наука и практика воспринимают «вторжение» в наше национальное юридическое пространство правовых актов, включая судебные решения иностранных (в том числе международных) институтов; и то, какая юридическая сила придается решениям и постановлениям соответствующих российских учреждений (законодательных органов, судов, следственных органов и т. д.).

Данная категория обычно связывается с описанной выше трактовкой национального суверенитета, поскольку коллизия норм различных национальных правовых систем, а также конкуренция последних с нормами международного права или решениями международных судебных органов не может быть разрешена без установления и понимания иерархии властных полномочий государств и международных институтов, т. е. тех полномочий, которые соответствуют границам государственного суверенитета. Некоторые правоведы идут дальше, рассматривая территориальную юрисдикцию в качестве одного из главных инструментов продвижения национальных интересов на международной арене.

Вот как определяют «национальную юрисдикцию» авторы доклада «Национальная юрисдикция: курс на конкурентоспособность правовой системы России»: «В традиционном, конституционном правовом контексте она (юрисдикция. – А.К.) осмысливается как атрибут правовой системы, лежащей в границах конкретного государства или содружества государств». И тут же авторы ставят задачу создания многостороннего механизма «обеспечения эффективности российской юрисдикции», ее «транстерриториальности» и «трансграничности» [Национальная юрисдикция...2019:9]. Такую активную роль национальной юрисдикции следует признать не вполне характерной для правовой доктрины и практики. Мы вряд ли найдем где-либо за рубежом аналоги столь принципиального формулирования задачи по продвижению национальной юрисдикции, т. е. прежде всего национальных судебных процедур, правил, практик (поскольку, как ни трактуйте, юрисдикция – это подсудность и все, что с ней связано), а также доктрины, правовых принципов и инструментов и т. д. Наши зарубежные коллеги обычно просто кон-

статируют достоинства своих правовых систем, своего законодательства, правоприменительной практики, но не стремятся «наступать» по всему правовому фронту с целью доминирования на международном юридическом пространстве.

Повторим, такая цель не ставится открыто, однако на практике происходит именно это – агрессивность национальных систем, экстерриториальность их отдельных элементов провозглашаются законодательно и поддерживаются существующей юридической практикой. Исторически конкуренция правовых систем, как правило, сводилась к соревнованию континентальной и англосаксонской правовых традиций. В советские времена существовала еще одна правовая система – социалистическая, которая осмысливалась правоведами, включая западных, как самостоятельная, во многом если не противоположная, то наверняка существенно отличная от обеих западных систем¹⁵. В дальнейшем большая часть стран мировой социалистической системы отказалась от социалистического права, переработала свое законодательство в соответствии с западноевропейскими образцами и вошла в состав стран с континентальной системой. Исключение составила Китайская Народная Республика, где сохраняются отдельные элементы социалистической правовой традиции (прежде всего, верховная сила партийных документов, хозяйственных планов развития и т. п.), но и она активно взаимодействует с другими странами в экономической сфере, приспособив свое законодательство к общепринятым правовым стандартам и правилам [БРИКС...2015:191–197].

Вместе с тем исчезновение социалистической системы не устранило проблему соперничества различных правовых систем, зачастую интерпретируемую, как конкуренцию юрисдикций, а лишь модифицировало ее, перенеся акцент на взаимодействие национальных и международных юрисдикций. Хотя явление так называемой трансграничности юрисдикций сохраняется, и это прежде всего касается подхода к юрисдикции американских юристов и американских судов.

На европейском континенте основной теоретической базой защиты национальной юрисдикции выступала концепция Long Arm Statute («закон длинной руки»), подкреплявшаяся возможностью доказать силу своей юрисдикции, если потребуется, вооруженным путем, не взи-

¹⁵ Подробнее см.: [Леже 2011].

рая на двусторонние или многосторонние соглашения. Еще в начале прошлого века известный русский правовед, профессор петербургского Университета Н.С. Таганцев в своих лекциях подробно описал коллизии национальных и международных норм уголовного закона применительно к самым разным уголовным деяниям, уже тогда отмечая исключительно жесткую позицию английских и американских юристов, отстаивавших принцип территориальности в отношении преступлений, совершенных гражданами этих стран за рубежом (т. е. неподсудности этих граждан иностранным судам) [Таганцев 1902:283–366]. В европейском праве по мере развития современных международно-правовых инструментов, помогающих прояснить вопросы юрисдикции (конвенции, соглашения, положения международных судебных органов), силовые методы отошли на второй план, уступив место более цивилизованным формам взаимоотношений¹⁶. По этому же пути идет правовое регулирование вопросов выбора юрисдикции в международных экономических отношениях в странах с активно развивающейся экономикой, где широко стимулируются разного рода региональные и межрегиональные формы сотрудничества (прежде всего, ШОС и БРИКС), требующие современных, эффективных средств разрешения споров [Larsson 2020:85–98; Lim 2020:99–112; Mandelbaum 2020:113–144].

В. Этого нельзя сказать о доктрине и практике Соединенных Штатов, где как раз силовая позиция решения споров о юрисдикции, хоть и с некоторой модификацией, дожила до современности, определив подход американских судов к проблеме экстерриториального действия их решений. «США сегодня, – пишет В.М. Шумилов, – главный носитель международно-правового нигилизма» [Шумилов 2017:74–75].

В формировании американской концепции территориальной юрисдикции основной вклад внесли специалисты по конституционному праву. Это не случайно, поскольку именно из текста четырнадцатой поправки в Конституции Соединенных Штатов вытекают концептуальные основы так называемого надлежащего процесса, которые позволили после достижения колонией

независимости освободиться от британских правил ведения процесса. В дальнейшем эти основы были существенно расширены¹⁷.

В реальности споры о юрисдикции приобретают, как правило, совершенно практический характер, и влияние американской доктрины, а также возможность «вооруженной рукой» эту доктрину отстаивать в самых разных обстоятельствах межгосударственного общения нельзя недооценивать. Поэтому анализ американской концепции юрисдикции, в том числе в международных отношениях, представляется весьма полезным. Юридическая доктрина США разработала довольно сложный и многообразный арсенал подходов и решений к проблеме юрисдикции, который, в принципе, отражает историю экономической экспансии США на мировых рынках, сопровождавшейся активизацией их внешней политики, растущим политическим влиянием и стремлением к глобальному доминированию. Американская юрисдикционная концепция включает в себя такие понятия, как «минимальные контакты», «целенаправленное попадание под юрисдикцию», «общая» и «конкретная» юрисдикции, «непомерная» юрисдикция и т. д.

Американские суды используют эти разнообразные доктринальные, нормативные и практические формулы, содержащиеся в конкретных судебных делах (прецедентах) для решения соответствующих дел, в том числе с участием иностранцев. При этом заметим, что ни в одном международном соглашении по вопросам коллизии юрисдикций Соединенные Штаты участия не принимают. Характерно также, что судебные решения, на которые в настоящее время опирается американская судебная практика, принимались очень давно, их положения носят явно архаичный, далекий от современности характер. И, тем не менее, такие прецеденты сохраняют свою юридическую силу. Наиболее интересен в этом смысле пример так называемого Alien Tort Statute – законодательного акта и основанных на нем многочисленных судебных прецедентов, применение которых вызывает, пожалуй, самые жаркие споры среди американских юристов в связи с очевидно чрезмерной степенью политизированности данного принципа.

¹⁶ Например, см.: Конвенция о юрисдикции и приведении в исполнение судебных решений по гражданским и коммерческим делам (Конвенция Лугано) от 16 сентября 1988 г.; Конвенция о юрисдикции и приведении в исполнение судебных решений по гражданским и коммерческим делам (Брюссельская конвенция) от 7 сентября 1968 г.; Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений от 10 июня 1958 г.

¹⁷ Подробнее см.: [Клишин, Розенштейн 2018: 60–64].

В 2015 г. в Нью-Йорке, на собрании New York Bar Association действующим судьей Апелляционного суда 2-го округа США Х. Кабранесом была прочитана лекция «Воздержаться от суждений», которую потом напечатал журнал «Россия в глобальной политике» [Кабранес 2016:136–150]. В своей лекции судья делает несколько примечательных заявлений, которые характеризуют особенности восприятия американскими профессиональными юристами, в том числе и наиболее прогрессивно мыслящими из них, задач, стоящих перед американской юриспруденцией, так сказать, в мировом масштабе. «В настоящее время, – утверждает Кабранес, – от гражданского и уголовного права до законов в сфере прав человека американское право регулирует деятельность в разных частях земного шара». «С точки зрения части американских юристов, – продолжает он, – американские законы не знают границ». «Но применение американских законов за рубежом, – признает он далее, – скользкий путь» [Кабранес 2016:137–138].

История возникновения феномена под названием «экстерриториальное действие американского права» вкратце такова. Еще в 1789 г., опьяненная примером Франции, молодая американская республика приняла закон «О правонарушениях в отношении иностранных граждан» (Alien Tort Statute, сокращенно ATS; он также называется Alien Tort Claims Act, сокращенно ATCA), который стал частью первого Судебного Акта, а сам термин «экстерриториальность» в отношении действия решений американских судов появился в 1812 г. благодаря формулировке одного из решений федерального суда США. Закон и соответствующий прецедент были на некоторое время забыты, и это правило не применялось, вопреки попыткам отдельных судей использовать в своих решениях Закон об АТС. Более того, в 1909 г. Верховный Суд США счел необходимым издать вердикт, прямо запрещающий применять американское право за рубежами США. Появилось так называемое правило Холмса (по имени судьи), или правило территориальности, которого американские суды придерживались почти сорок лет, до 1945 г., когда один из федеральных судов ввел в юридический обиход «правило последствий» – принцип экстерриториальности решений американских судов в тех случаях, когда действия иностранцев за рубежом могут привести к пагубным последствиям для интересов США.

Г. На деле применение АТС гораздо шире, официальное основание обращения американских судов к данному прецеденту сводится к объявлению того или иного преступления (дословно tort – это деликт, т. е. правонарушение, наносящее вред пострадавшему от него лицу) нарушающим «право наций», т. е. международное право по терминологии, принятой американским юридическим словарем. Как правило, таковыми признаются также любые действия, нарушающие гражданские права, при самой широкой трактовке этого последнего феномена.

Для пояснения данного положения обычно приводят хрестоматийное дело *Filartiga vs. Pena-Irala*, обстоятельства которого свидетельствуют о том, что два парагвайца, проживающие в США, в 1980 г. обратились в полицию по поводу преступлений (похищение, убийство), совершенных в Парагвае некоторое время назад бывшим шефом полиции, также проживавшим к тому времени на территории Соединенных Штатов. Американский суд апелляционной инстанции пришел к выводу о возможности распространить свою юрисдикцию на данное дело под предлогом нарушения фундаментальных прав, перечень которых содержится во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. С тех пор десятки подобных решений были тиражированы американскими судами [Conn 1981:878–881].

В последние годы американские суды не раз применяли АТС в конкурентной борьбе со своими союзниками – западными корпорациями под предлогом экологических или иных нарушений, допущенных этими корпорациями на территориях, лежащих в соответствии с традиционными канонами вне американской юрисдикции, что вызывало обоснованное возмущение как европейских, так и американских юристов. Эксперты не раз указывали, что в результате массированного применения этого правила, а по сути того самого Федерального закона 1789 г., США осуществляют политику неприкрытого юридического империализма (термин Х. Кабранеса). «США остаются единственной страной в мире, рассматривающей подобные иски», – заявляет судья. – «В последние пять лет тенденция изменилась в пользу принципа территориальности», – продолжает Кабранес [Кабранес 2016:138]. Так, в 2013 г. в деле *Kiobel vs. Royal Dutch Shell* Верховный Суд США ограничил действие американского закона американской территорией, если иное решение не примет своим специальным актом Конгресс США. В реально-

сти, правда, оказалось, что Верховный Суд США лишь подтвердил принцип «экстерриториальности», снабдив механизм его применения добавлением о необходимости укрепить акт «юридического империализма» актом империализма политического.

«На самом деле, – добавляет судья Кабранес, видимо, признавая нелепость утвержденной Верховным Судом конструкции, – применение законов США за пределами американской территории прямо противоречит принципам самоуправления и самоопределения, которые Соединенные Штаты продвигают по всему миру». «Право, – продолжает он, – это лишь один из инструментов, и обычно не самый лучший, для достижения национальных целей» [Кабранес 2016:143-144]. Не вызывает сомнений, что суды вообще нельзя рассматривать в качестве внешнеполитических агентов, поскольку они призваны служить закону, а не внешней политике.

Другое дело, что применение решений американских судов на территории третьих стран происходит в рамках, традиционно принятых в международном праве и внутреннем законодательстве современных государств. Процедуры исполнения решений иностранных судов на территории стран, присоединившихся к соответствующим конвенциям, давно и хорошо известны¹⁸. Существует и развивается соответствующая доктрина имплементации судебных решений. Такая практика применяется в России, в ней обязательно участвуют национальные суды, конвертирующие решения судов иностранных в национальные судебные документы, действующие на основании российских процессуальных норм. Подобная практика существует и в странах – членах ЕС, и в иных государствах¹⁹.

5. Заключение

Не вызывает сомнения, что развитие России в обозримом будущем не будет про-

стым как с глобальной точки зрения, так и в плане внутренних процессов, присущих этому развитию. Существует мнение, что вся система международных отношений устроена так, чтобы обеспечить преимущества одним странам за счет других. «Под внешним лоском цивилизации, – пишет американский политолог Роберт Каплан в книге “Месть географии”, – сокрыт темный мир человеческих страстей, и, таким образом, центральным вопросом международной политики для реалистов стоит следующий: кто кому что может сделать» [Каплан 2015:48]. Таким выводам политологов не очень хочется верить, а для того, чтобы жила надежда на поддержание более или менее справедливого и безопасного миропорядка, необходимо, на наш взгляд, совместными усилиями всех участников международных отношений сохранять за правом, как национальным, так и международным, то место, которое оно приобрело за время эволюции человеческого общества.

Для решения этой задачи необходимы согласованные усилия правоведов и юристов-практиков разных стран, обмен опытом, совместный анализ различных национальных и международных юридических стандартов, институтов и образцов. Необходимо также концептуальное обновление юридических представлений о возможностях унификации, взаимопроникновения национальных законодательств, обновление самого юридического языка, который во многих случаях перестает быть универсальным и понятным и используется по-разному юристами разных стран и специалистами международных организаций и учреждений. Это – большая и кропотливая работа, но она полностью соответствует тому этапу, на котором находятся национальные правовые системы, международные отношения и обслуживающая их система международного права.

¹⁸ См.: Богуславский М.М. *Международное частное право*. 2-е изд. М.: Международные отношения. 1982. С. 287–325; *Международное право: учебник для академического бакалавриата. В 2 частях. Ч.1*. Под ред. А.Н. Вылегжанина. 3-е изд. М.: Юрайт. 2018. С.271–290.

¹⁹ Подробнее см.: [БРИКС... 2015:144–155].

Список литературы

- Агамбен Дж. 2011. *Ното Сасер. Суверенная власть и голая жизнь*. М.: Европа. 256 с.
- Арендт Х. 2000. *Vita activa или О деятельной жизни*. СПб.: Алетейа. 416 с.
- Барциц И.Н. 2020. *Конституционная идентичность и международное право: о конституционализации международного права и интернационализации конституционного права*. М.: Издательский дом «Дело». 144 с.
- Бордачёв Т.В. 2020. Мораль и реализм внешней политики. – *Россия в глобальной политике*. Т. 18. № 1. С. 8–16.
- БРИКС. *Контурь многополярного мира*. Отв. ред. Т. Я. Хабриева. 2015. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 295 с.
- Буткевич В.Г. Соотношение внутригосударственного и международного права. Киев. 1981. 311 с.
- Всемирная история. От Венского конгресса до наших дней (1815-1910). Т.1*. Под ред. Ю. Пфлуг-Гартунга. 1910. СПб.: Брокгауз-Эфрон. 308 с.
- Вылегжанин А.Н. Вопросы соотношения и взаимодействия международных отношений и международного права./Современная наука о международных отношениях за рубежом. Хрестоматия в трех томах. Под общей редакцией И.С.Иванова. Том 2. М. НП РСМД. 2015. С. 418–433.
- Вылегжанин А.Н., Колосов Ю.М. Международное и национальное (внутригосударственное) право./Международное право. В 2 ч.Ч.1: под ред. А.Н. Вылегжанина. 3-е изд., перераб. и доп.-М. Издательство Юрайт. 2017. С. 19-20.
- Иванов А.Ю. 2016. Дать людям свободу. – *Россия в глобальной политике*. Т. 14. №1. С.88–106.
- Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе*. Под ред. В.В. Лазарева. 2019. М.: Норма; ИНФРА-М. 412 с.
- Исполинов А.С. 2017. Некоторые доктринальные итоги взаимодействия России с Европейским Союзом по правам человека. – *Государство и право*. № 6. С. 26–34.
- Кабранес Х. 2016. Воздержаться от суждений. – *Россия в глобальной политике*. Т. 14. № 4. С. 137–148.
- Каплан Р. 2015. *Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного*. М.: КоЛибри. 384 с.
- Клишин А.А., Розенштейн Б.А. 2018. Куда пойдёт истец? Или споры о подсудности в США. – *Юридический мир*. № 9. С.60-64.
- Клишин А.А. 2016. Право и национальные интересы. – *Россия в глобальной политике*. Т. 14. № 4. С. 121–136.
- Леже Р. 2011. *Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход*. М.: Wolters Kluwer Russia. 529 с.
- Мажорина М.В. 2018. Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации. – *Право. Журнал Высшей школы экономики*. № 1. С. 193–217. DOI: 10.17323/2072-8166.2018.1.193.217
- Марченко М.Н. 2016. Характерные черты и особенности романо-германского права. – *Государство и право*. №3. С. 5–11.
- Матье Б. 2020. Кризис ценностей, кризис демократии. – *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. № 1. С. 7-9.
- Мюллерсон Р.А. 2016. Нет права без баланса. – *Россия в глобальной политике*. Т. 14. № 4. С. 94-105.
- Национальная юрисдикция: курс на конкурентоспособность правовой системы России: доклад*. Под общ. ред. И. Н. Барцица и А. С. Ерёмочки. 2019. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 224 с.
- Правовое пространство: границы и динамика: монография*. Отв. ред. Ю.А. Тихомиров. 2019. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИНФРА-М. 240 с. DOI: www.dx.doi.org/10.12737/monography_5bc0b04f0a1512.32267135
- Таганцев Н.С. 1902. *Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т.1*. СПб.: Государственная типография. 823 с.
- Тихомиров Ю.А. 2017. Право в современном мире: векторы развития. – *Государство и право*. № 5. С.5-10.
- Тихомиров Ю.А. 2020. Право: момент покоя или опережающее воздействие на социальные процессы. – *Журнал российского права*. № 4. С. 5-16. DOI: 10.12737/jrl.2020.038
- Фуко М. 2006. *Безопасность. Территория. Население*. М.: Практикс. 324 с.
- Фукуяма Ф. 2019. *Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия*. М.: Альпина. 257 с.
- Хабриева Т.Я. 2019. Проекция развития конвергентных технологий в праве. – *Сборник трудов конференции «Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества»*. Под общ. ред. А.Н. Савенкова. М.: Институт государства и права. С. 138–152.
- Шпенглер О. 2019. *Закат Европы. Очерки морфологии западной истории. Том 1: Образ и действительность*. М.: Попурри. 656 с.
- Шумилов В.М. 2015. О «глобальном праве» как формирующейся правовой суперсистеме. – *Московский журнал международного права*. №4. С. 4–17. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2015-4-4-17>
- Шумилов В.М. 2017. Глобальная система и её составляющие. – *Государство и право*. № 4. С.72–78.
- Эбзеев Б.С. 2017. Глобализация и становление транснационального конституционализма. – *Юридическая техника*. №11. С. 600–609.
- Эбзеев Б.С. 2020. Актуализация конституции России: собирательный образ поправок президента РФ В.В. Путина и новые смыслы Основного Закона. – *Государство и право*. № 4. С. 7–24. DOI: 10.31857/S013207690009224-8
- Conn R.A., Jr. 1981. The Alien Tort Statute: International Law as the rule of decision. – *Fordham Law Review*. Vol. 49. Issue 5. P. 874–889.
- Kissinger H. 2014. *World order*. New York: Penguin Books. 432 p.
- Larusson H.K. 2020. Legal and Cultural Differences in International Arbitration: The Limits of Harmonisation. – *Czech (& Central European) Yearbook of Arbitration*. Ed. by Alexander J. Bělohávek and Naděžda Rozehnalová. Vol. X. The Hague: Lex Lata B.V. P. 85–98.
- Lim B. 2020. Developing an Asian International Arbitration Culture. – *Czech (& Central European) Yearbook of Arbitration*. Ed. by Alexander J. Bělohávek and Naděžda Rozehnalová. Vol. X. The Hague: Lex Lata B.V. P. 99–112.
- Mandelbaum St. 2020. The Legitimacy of Arbitral Reasoning: On Authority and Authorisation in International Investment Dispute Settlement. – *Czech (& Central European) Yearbook of Arbitration*. Ed. by Alexander J. Bělohávek

- and Naděžda Rozehnalová. Vol. X. The Hague: Lex Lata B.V. P. 113–144.
40. Mazhorina M.V. 2019. The Transformation of the State and 'denationalization' of Law in Context of Private International Law. – *Czech Yearbook of International Law*. Ed. by Alexander J. Bělohávek and Naděžda Rozehnalová. Vol. X. The Hague: Lex Lata B.V. P. 133–160.
41. Mrazhek J. 2019. The Modern Concept of State Sovereignty in International Law. – *Czech Yearbook of International Law*. Ed. by Alexander J. Bělohávek and Naděžda Rozehnalová. Vol. X. The Hague: Lex Lata B.V. P. 161–184.

References

- Agamben G. Homo Sacer. Il potere sovrano e la nuda vita (Russ. ed.: Agamben G. *Homo Sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'*. Moscow: Evropa Publ. 2011. 256 p.)
- Arendt H. Vita Activa oder Vom Tätigen Leben (Russ. ed.: Arendt H. *Vita activa ili O deyatel'noi zhizni*. Saint Petersburg: Aleteia Publ. 2000. 416 p.)
- Bartsits I.N. *Konstitutsionnaya identichnost' i mezhdunarodnoe pravo: o konstitutsionalizatsii mezhdunarodnogo prava i internatsionalizatsii konstitutsionnogo prava* [Constitutional identity and international law: on the constitutionalization of international law and the internationalization of constitutional law]. Moscow: Izdatel'skii dom "Delo". 144 p. (In Russ.)
- Bordachev T.V. Moral' i realizm vneshnei politiki [Morality and realism of foreign policy]. – *Rossiia v global'noi politike*. 2020. Vol. 18. No. 1. P.8–16. (In Russ.)
- BRICS. *Kontury mnogopol'arnogo mira*. Otv. red. T. Ya. Khabrieva [BRICS. The contours of the multipolar world. Ed. By T.Ya. Khabrieva]. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii Publ. 2015. 295 p. (In Russ.)
- Butkevich V.G. Sootnosheniye vnutrigosudarstvennogo i mezhdunarodnogo prava [Relationship between the national and international law]. Kiev. 1981. 311 pp. (In Russian)
- Cabranes J. Vozderzhat'sya ot suzhdenii [Refrain from judgments]. – *Rossiia v global'noi politike*. Vol. 14. No. 4. P. 137–148. (In Russ.)
- Conn R.A., Jr. The Alien Tort Statute: International Law as the rule of decision. – *Fordham Law Review*. 1981. Vol. 49. Issue 5. P. 874–889.
- Ebzeev B.S. Aktualizatsiya konstitutsii Rossii: sobiratel'nyi obraz popravok prezidenta RF V.V. Putina i novye smysly Osnovnogo Zakona [Actualization of the Constitution of Russia: collective mode of amendments to the President of the Russian Federation V.V. Putin and new meanings of the fundamental law]. – *Gosudarstvo i pravo*. 2020. No. 4. P. 7–24. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013207690009224-8
- Ebzeev B.S. Globalizatsiya i stanovlenie transnatsional'nogo konstitutsionalizma [Globalization and Formation of Transnational Constitutionalism]. – *Yuridicheskaya tekhnika*. 2017. No.11. P. 600–609. (In Russ.)
- Foucault M. Sécurité, territoire, population (Russ. ed.: Foucault M. *Bezopasnost'. Territoriya. Naselenie*. Moscow: Praksis Publ. 2006. 324 p.)
- Fukuyama F. Identity: The demand for dignity and the politics of resentment (Russ. ed.: Fukuyama F. *Identichnost'. Stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatyya*. Moscow: Al'pina Publ. 2019. 257 p.)
- Implementatsiya reshenii Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka v rossiiskoi pravovoi sisteme. Pod red. V.V. Lazareva [Implementation of the Judgments of the European Court of Human Rights in the Russian Legal System: concepts, legal approaches and practice. Ed. By V.V. Lazarev]. Moscow: Norma Publ.; INFRA-M Publ. 2019. 412 p. (In Russ.)
- Ispolinov A.S. Nekotorye doktrinal'nye itogi vzaimodeystviya Rossii s Evropeiskim Soyuzom po pravam cheloveka [Some doctrinal results of Russia's interaction with the European Union on human rights]. – *Gosudarstvo i pravo*. 2017. No. 6. P. 26–34. (In Russ.)
- Ivanov A.Yu. Dat' lyudyam svobodu [Give people freedom]. – *Rossiia v global'noi politike*. 2016. Vol. 14. No. 1. P. 88–106. (In Russ.)
- Kaplan R. The Revenge of Geography: What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate (Russ. ed.: Kaplan R. *Mest' geografii. Chto mogut rasskazat' geograficheskie karty o gryadushchikh konfliktakh i bitve protiv neizbezhnogo*. Moscow: KoLibri Publ. 2015. 384 p.)
- Khabrieva T.Ya. Proektsii razvitiya konvergentnykh tekhnologii v prave [Evolution perspectives of convergent technologies]. – *Sbornik trudov konferentsii "Transformatsiya paradigmy prava v tsivilizatsionnom razvitii chelovechestva"*. Pod obshch. red. A.N. Savenkova [Collected works: Law model transformation in civilized evolution of humankind. Ed. by A.N. Savenkov]. Moscow: Institut gosudarstva i prava Publ. 2019. P. 138–152. (In Russ.)
- Kissinger H. *World order*. New York: Penguin Books. 2014. 432 p.
- Klishin A.A. Pravo i natsional'nye interesy [Law and national interests]. – *Rossiia v global'noi politike*. 2016. Vol. 14. No. 4. P. 121–136. (In Russ.)
- Klishin A.A., Rozenshteyn B.A. Kuda poidet istets? Ili spory o podsudnosti v SShA [Where will a claimant refer? Or disputes over jurisdiction in the USA]. – *Yuridicheskii mir*. 2018. No. 9. P.60–64. (In Russ.)
- Larusson H.K. Legal and Cultural Differences in International Arbitration: The Limits of Harmonisation. – *Czech (& Central European) Yearbook of Arbitration*. Ed. by Alexander J. Bělohávek and Naděžda Rozehnalová. 2020. Vol. X. The Hague: Lex Lata B.V. P. 85–98.
- Legeais R. Grands systèmes de droit contemporains. Approche comparative (Russ. ed.: Legeais R. *Velikie pravovye sistemy sovremennosti: sravnitel'no-pravovoi podkhod*. Moscow: Wolters Kluwer Russia Publ. 2011. 529 p.)
- Lim B. Developing an Asian International Arbitration Culture. – *Czech (& Central European) Yearbook of Arbitration*. Ed. by Alexander J. Bělohávek and Naděžda Rozehnalová. 2020. Vol. X. The Hague: Lex Lata B.V. P. 99–112.
- Mandelbaum St. The Legitimacy of Arbitral Reasoning: On Authority and Authorisation in International Investment Dispute Settlement. – *Czech (& Central European) Yearbook of Arbitration*. Ed. by Alexander J. Bělohávek and Naděžda Rozehnalová. 2020. Vol. X. The Hague: Lex Lata B.V. P. 113–144.
- Marchenko M.N. Kharakternye cherty i osobennosti romano-germanskogo prava [Characteristic features and peculiarities roman-germane (civil) legal family]. – *Gosudarstvo i pravo*. 2017. No. 6. P. 26–34. (In Russ.)

- sudarstvo i pravo*. 2016. No. 3. P. 5-11. (In Russ.)
26. Mathieu B. Krizis tsennosti, krizis demokratii [Value crisis, democracy crisis]. – *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 2020. No. 1. P. 7-9. (In Russ.)
  27. Mazhorina M.V. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo v usloviyakh globalizatsii: ot razgosudarstvleniya k fragmentatsii [Private International Law in Context of Globalization: from Privatization to Fragmentation]. – *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. 2018. No. 1. P. 193–217. (In Russ.). DOI: 10.17323/2072-8166.2018.1.193.217
  28. Mazhorina M.V. The Transformation of the State and 'denationalization' of Law in Context of Private International Law. – *Czech Yearbook of International Law*. Ed. by Alexander J. Bělohávek and Naděžda Rozehnalová. Vol. X. The Hague: Lex Lata B.V. 2019. P. 133-160.
  29. Mrazhek J. The Modern Concept of State Sovereignty in International Law. – *Czech Yearbook of International Law*. Ed. by Alexander J. Bělohávek and Naděžda Rozehnalová. Vol. X. The Hague: Lex Lata B.V. 2019. P. 161-184.
  30. Müllerson R.A. 2016. Net prava bez balansa [There is no law without balance]. – *Rossiya v global'noi politike*. 2016. Vol. 14. No. 4. P. 94-105. (In Russ.)
  31. *Natsional'naya yurisdiksiya: kurs na konkurentosposobnost' pravovoi sistemy Rossii: doklad*. Pod obsh. red. I. N. Bartsitsa i A. S. Eremenko [National jurisdiction: course towards the competitiveness of the legal system of Russia: a report. Ed. by I. N. Bartsits and A.S. Eremenko]. Moscow: Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS Publ. 2019. 224 p. (In Russ.)
  32. *Pravovoe prostranstvo: granitsy i dinamika: monografiya*. Otv. red. Yu.A. Tikhomirov [Legal Space: Boundaries and Dynamics. A Monograph. Ed. by Yu. A. Tikhomirov]. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii Publ.; INFRA-M Publ. 2020. 240 p. (In Russ.) DOI: www.dx.doi.org/10.12737/monography_5bc0b04f0a1512.32267135
  33. Shumilov V.M. Global'naya sistema i ee sostavlyayushchie [The global normative system and its components]. – *Gosudarstvo i pravo*. 2017. No. 4. P.72-78. (In Russ.)
  34. Shumilov V.M. O "global'nom prave" kak formiruyushcheysya pravovoi supersisteme ["Global Law" as Legal Super-System in Formation]. – *Moscow Journal of International Law*. 2015. No. 4. P. 4-17. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2015-4-4-17
  35. Spengler O. Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. Band 1. Gestalt Und Wirklichkeit (Russ. ed.: Spengler O. Zakat Evropy. *Ocherki morfologii zapadnoi istorii. Tom 1: Obraz i deistvitel'nost'*. Moscow: Popurri Publ. 2019. 656 p.)
  36. Tagantsev N.S. *Russkoe ugovolnoe pravo. Lektsii. Chast' obshchaya. T.1* [Russian Criminal Law. Lectures. General Part. Vol. 1]. Saint Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya Publ. 1902. 823 p. (In Russ.)
  37. Tikhomirov Yu.A. Pravo v sovremennom mire: vektory razvitiya [Law in the modern world: directions of modernization]. – *Gosudarstvo i pravo*. 2017. No. 5. P. C. 5-10. (In Russ.)
  38. Tikhomirov Yu.A. Pravo: moment pokoya ili operezhayushchee vozdeistvie na sotsial'nye protsessy [Law: a moment of stillness or anticipatory impact on social processes]. – *Zhurnal rossiiskogo prava*. 2020. No. 4. P. 5-16. (In Russ.). DOI: 10.12737/jrl.2020.038
  39. *Vsemirnaya istoriya. Ot Venskogo kongressa do nashikh dnei (1815-1910). T.1*. Pod red. J. Pflugk-Harttung [World history. From Congress of Vienna till our days (1815-1910). Vol. 1. Ed. by J. Pflugk-Harttung]. Saint Petersburg: Brokgauz-Efron Publ. 1910. 308 p. (In Russ.)
  40. Vylegzhanin A.N. Voprosi sootnosheniya I vzaimodeystviya mezhdunarodnih otnosheniy I mezhdunarodnogo prava./Sovremennaya nauka o mezhdunarodnih otnosheniyah za rubezhom. (Issues of relationship and interaction of international relations and international law/ Foreign modern science of international relations). Ed. I.S.Ivanov. Moscow. RIAC. 2015. P.418- 433 (In Russ.)
  41. Vylegzhanin A.N., Kolosov Y.M. Mezhdunarodnoye I nationalnoye (vnutrigosudarstvennoye) pravo ./ Mezhdunarodnoye pravo. (International and national (internal) law./ International law. Moscow. 2017. P. 19-20. (In Russ.)

Информация об авторе

Алексей Александрович Клишин,

доктор юридических наук, профессор, Председатель президиума Межтерриториальной коллегии адвокатов «Клишин и Партнеры»

101000, Российская Федерация, Москва, Мясницкая ул., д. 24/7,

office@klishin.ru

ORCID: 0000-0001-7968-4035

About the Author

Alexey A. Klishin,

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Chairman of the Presidium, Klishin & Partners Attorneys at Law

24/7, ul. Myasnitskaya, Moscow, Russian Federation, 101000

office@klishin.ru

ORCID: 0000-0001-7968-4035